Изданіе Ф. Павленкова.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ

Д-ра Ш. Рибо,

Профессора въ Collège de France и редактора „Revue philosophique".

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Цомакіонъ.

Цѣна 30 коп.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Одобренное Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для фундаментальныхъ библіотекъ средних учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подъяческая, 39.
1897.

...АВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Съ портретомъ и біографіей автора. Полное собраніе въ 10 томахъ. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и Рождественскіе разсказы. 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ, 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки, Рецепты дотора Мериголъда и Безъ выхода. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1р. и 2р.

Сочиненія Лермонтова. (въ одномъ томѣ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Ц. 1 р. Въ простомъ перепл.—1 р., 40 к., въ коленкоровомъ 2 р.

Сочиненія Лермонтова (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ роскошныхъ 2 р.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портретомъ автора и статьей *А. М. Скабичевскаго.* Сокращ. перев. *С. Брагинской.* Два большихъ тома. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы И. Потапенко. 11 томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 томовъ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 4 изд., Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Ц. за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова.* Ц. 2р. 50 к

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Съ портретомъ и факсимиле автора, статьей *Н. К. Михайловскаго* и гравюрой съ картины художника *Наумова* „Бѣлинскій передъ смертію". Въ 4-хъ большихъ томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Е. А. Соловьева.* Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. Два тома. 2-е изд. Ц. 3 р.

Альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи, съ подписями, портр. Пушкина и снимкомъ его почерка. Ц. въ каленкоровомъ переплётѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Капитанская дочка. *А. Пушкина.* Съ 188 рисун. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* Ц. 1 р. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Ц. 1 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Полный переводъ съ англ. *Буйницкаго.* Съ примѣчаніями автора, 2-е изд. Ц. 2 руб. То-же изданіе безъ примѣчаній. Ц. 1 руб.

Герои и героическое въ исторіи. *Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Матери великихъ людей. *Блока.* Переводъ *З. Горской.* Со многими рисунками. Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a.* Перевелъ *В. Ранцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. Скабичевскаго,* 3-е изд. Съ 52-ю портр. Ц. 2 р.

Исторія русской цензуры. *А. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова.* Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія культуры. *Липперта.* Съ 85 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Переводъ подъ редакціею Р. И. Сементковскаго. Ц 60 к.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа,* профессора вольнаго Брюссельск. университета. Переводъ съ франц. *Г. Наперна.* Цѣна 1 р. 50 к.

Исторія религіи. *А. Мензиса.* Переводъ съ англійскаго *М. Чепинской.* Ц. 1 рубль.

Прогрессивная нравственность. *Фаулера,* б. профессора Оксфордскаго университета. Переводъ съ англ., подъ ред. *Вл. Соловьева.* Цѣна 40 к.

Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. *Ш. Летурно.* Пер. *В. Святловскаго* Ц. 1 р. 50 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго.* Ц 1 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Цвѣткова.* Съ 72 пор. Ц. 3 р.

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Французск. литер.: Литература эмигрантовъ. Реакція во Франціи, Романтическая школа. Перев. *Э. Зауэръ.* Съ 13 портр. и вступит. статьей *К. Соловьева.* Ц. 2 р.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Бульвера.* Ц. 50 к.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Беллами.* 3-е изд., дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: „Куда мы идемъ?". Ц. 1 р.

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна.* Съ норвежск. Ц. 60 к.

Въ трущобахъ Англіи. Соціал. борьба съ экономич. язвами современ. общества *Бутса.* Ц. 1 р.

ПСИХОЛОГІЯ

ВНИМАНІЯ

Д-ра Ш. Рибо,

Профессора въ Collège de France и редактора „Revue philosophique".

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Цомакіонъ.

Цѣна 30 коп.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, 39.
1897.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 27 Января 1897 года.

ВВЕДЕНІЕ.

До сихъ поръ очень много занимались результатами вниманія и весьма мало его механизмомъ. Именно эту послѣднюю сторону вопроса я намѣренъ сдѣлать предметомъ настоящаго труда. Взятый даже въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ, вопросъ о вниманіи представляется крайне важнымъ, служа необходимымъ дополненіемъ къ теоріи ассоціаціи, что̀ мы намѣрены развить ниже. Если предлагаемый трудъ сколько-нибудь послужитъ къ уясненію указаннаго пробѣла въ современной психологіи и вызоветъ въ другихъ желаніе заполнить его, цѣль наша будетъ достигнута.

Не задаваясь пока намѣреніемъ опредѣлить, что̀ такое вниманіе, не предлагая заранѣе его характеристики, я дѣлаю предположеніе, что каждый съ достаточною ясностью понимаетъ значеніе этого слова. Гораздо труднѣе указать тѣ границы, гдѣ начинается вниманіе и гдѣ оно кончается, такъ-какъ оно заключаетъ въ себѣ всѣ ступени, начиная отъ мимолетнаго вниманія, удѣленнаго жужжащей мухѣ, до состоянія полнаго поглощенія занимающимъ насъ предметомъ. Сообразно съ требованіями правильнаго метода, наше изученіе должно быть направлено на тѣ случаи, которые представляются наиболѣе рѣзкими, типичными, т. е. на тѣ, которые отличаются однимъ изъ двухъ слѣдующихъ признаковъ: интенсивностью или продолжительностью. При совпаденіи обоихъ этихъ признаковъ вниманіе достигаетъ своего maximum'a. Въ отдѣльности продолжительность вниманія приводитъ къ тому же результату путемъ накопленія: примѣромъ можетъ служить тотъ случай, когда при свѣтѣ нѣсколькихъ электрическихъ искръ намъ удается прочесть слово или разглядѣть

лицо. Точно такъ-же дѣйствительна сама по себѣ и интенсивность вниманія: такъ напримѣръ, для женщины достаточно одного мгновенія, чтобы изучить нарядъ соперницы. Слабыя формы вниманія не представляютъ для насъ подходящаго матеріала, и во всякомъ случаѣ не съ этихъ формъ должно быть начато его изученіе.

Задача этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы установить и подтвердить доказательствами слѣдующія положенія:

Вниманіе является въ двухъ существенно различныхъ формахъ: одна изъ нихъ—вниманіе непроизвольное, естественное; другая—вниманіе произвольное, искусственное.

Первая, позабытая большинствомъ психологовъ, есть форма вниманія настоящая, первоначальная, основная. Вторая же, исключительно служившая до сихъ поръ предметомъ ихъ изслѣдованій, представляетъ собой лишь подражаніе, результатъ воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ-либо. Будучи подвержено колебаніямъ и вліянію случайностей, произвольное вниманіе опирается исключительно на вниманіе непроизвольное, изъ котораго оно вырабатывается всецѣло. Это только усовершенствованный аппаратъ, продуктъ цивилизаціи.

Въ обѣихъ своихъ формахъ вниманіе не представляетъ собою „чисто духовнаго акта“, совершающагося таинственнымъ и неуловимымъ образомъ. Механизмъ его неизбѣжно долженъ быть признанъ *двигательнымъ*, т. е. дѣйствующимъ на мускулы и посредствомъ мускуловъ-же, главнымъ образомъ, въ формѣ извѣстной задержки. Такимъ образомъ, эпиграфомъ къ настоящему изслѣдованію можетъ служить фраза, сказанная Маудсли: „кто неспособенъ управлять своими мускулами, неспособенъ и ко вниманію“.

Какъ въ той, такъ и въ другой формѣ вниманіе есть состояніе исключительное, ненормальное, ограниченное во времени, такъ-какъ оно находится въ противорѣчіи съ основнымъ условіемъ психической жизни—измѣняемостью. Вниманіе есть состояніе неподвижное. Всякому изъ личнаго опыта извѣстно, что если оно продолжается чрезмѣрно долго, въ особенности при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, то вызываетъ постоянно возрастающую неясность мыслей, затѣмъ полное умственное изнеможеніе, часто сопровождаемое головокруженіемъ.

Эти легкія, мимолетныя помраченія мыслей указываютъ на существующій антагонизмъ между вниманіемъ и нормальной психической жизнью. Что вниманіе стремится къ единству сознанія, составляющему его сущность, объ этомъ еще яснѣе свидѣтельствуютъ рѣзкіе случаи болѣзненнаго его проявленія, которые мы намѣрены изслѣдовать ниже, какъ въ хронической ихъ формѣ, т. е. въ формѣ такъ называемыхъ idées fixes, такъ и въ ихъ острой формѣ—въ состояніи экстаза.

Теперь, не выходя изъ круга общихъ вопросовъ, мы можемъ опредѣлить вниманіе помощью этого рѣзкаго признака — стремленія къ единству сознанія.

Если мы возьмемъ для примѣра здороваго взрослаго человѣка средняго умственнаго уровня, то замѣтимъ, что обыкновенный механизмъ его духовной жизни состоитъ изъ непрерывно смѣняющихъ другъ друга внутреннихъ процессовъ, изъ ряда ощущеній, чувствованій, мыслей и образовъ, подвергающихся то взаимной ассоціаціи, то взаимному отталкиванію подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ. Собственно говоря, это не цѣпь и не рядъ, какъ часто выражаются, но скорѣе лучеиспусканіе въ различныхъ направленіяхъ, проникающее различные слои, подвижный аггрегатъ, который безпрерывно слагается, распадается и вновь возстановляется. Всѣмъ извѣстно, что механизмъ этотъ подвергся въ наше время тщательному изслѣдованію, и что теорія ассоціаціи составляетъ одинъ изъ наиболѣе твердо-установленныхъ отдѣловъ современной психологіи. Мы не хотимъ этимъ сказать, что онъ вполнѣ законченъ; напротивъ, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ изслѣдователи обращали слишкомъ мало вниманія на роль аффективныхъ состояній, служащихъ скрытою причиною многихъ ассоціацій. Зачастую случается, что одна мысль вызываетъ другую не въ силу сходства представленій, а въ силу связаннаго съ тою или другой изъ нихъ аффективнаго состоянія, обусловливающаго ихъ взаимное родство*). Кромѣ того, остается еще свести законы ассоціаціи къ законамъ физіологическимъ, механизмъ психологическій къ механизму мозговому, который служитъ ему основаніемъ; но мы еще далеки отъ этого идеала.

*) Хорошіе примѣры можно найти у J. Sully: «Illusions» гл. VII.

Нормальное состояніе—это множественность состояній сознанія или, по выраженію нѣкоторыхъ писателей, полиидеизмъ. Вниманіе есть временная задержка этой безконечной смѣны въ пользу одного только состоянія: это моноидеизмъ. Но необходимо въ точности опредѣлить, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ этотъ терминъ. Сводится-ли вниманіе къ исключительно единому состоянію сознанія? Мы должны отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно; самонаблюденіе показываетъ намъ, что оно представляетъ только *относительный* моноидеизмъ, т. е. что оно предполагаетъ существованіе господствующей мысли, стягивающей вокругъ себя только то, что къ ней относится, и ничего болѣе, и допускающей образованіе ассоціацій лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, по столько, по скольку онѣ сосредоточиваются подобно ей на одномъ опредѣленномъ пунктѣ. Эта господствующая мысль, по мѣрѣ возможности, эксплуатируетъ въ свою пользу всю наличную мозговую дѣятельность.

Бываютъ-ли случаи *абсолютнаго* моноидеизма, когда сознаніе сводится къ одному всепоглощающему состоянію, при которомъ механизмъ ассоціацій безусловно останавливается? На нашъ взглядъ, явленіе это встрѣчается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ экстаза, которыми мы займемся впослѣдствіи; но во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что такое состояніе можетъ быть только мимолетнымъ, такъ-какъ, будучи поставлено внѣ условій, существенно для него необходимыхъ, сознаніе исчезаетъ.

И такъ, вниманіе (чтобы не повторяться болѣе, мы напомнимъ, что наше изслѣдованіе относится только къ случаямъ вполнѣ опредѣленнымъ и рѣзкимъ) состоитъ въ томъ, что относительное единство сознанія, составляющее частный случай, замѣняетъ собою множественность состояній сознанія и измѣняемость, составляющія общее правило. Сказаннаго однако недостаточно, чтобы опредѣлить вниманіе. Такъ напримѣръ, сильная зубная боль, припадокъ болѣзни почекъ, интенсивное наслажденіе производятъ временное единство сознанія, которое никоимъ образомъ не можетъ быть смѣшано съ понятіемъ о вниманіи. Вниманіе требуетъ объекта; это не чисто субъективное измѣненіе, это—познаваніе, извѣстное состояніе ума. Отмѣтимъ этотъ новый признакъ.

Мы еще не кончили. Чтобы отличить вниманіе отъ нѣкото-

рыхъ состояній, къ нему приближающихся, о которыхъ мы поведемъ рѣчь въ нашемъ изслѣдованіи (напр. idée fixe), слѣдуетъ принять въ разсчетъ приспособленіе организма, которымъ оно всегда сопровождается и изъ котораго въ значительной степени слагается, что мы и постараемся доказать. Въ чемъ-же состоитъ это приспособленіе? Ограничимся пока бѣглымъ взглядомъ.

Въ случаѣ непроизвольнаго вниманія замѣчается сосредоточеніе всего тѣла на объектѣ вниманія; глаза, уши, иногда и руки сосредоточиваются на немъ; всѣ движенія пріостанавливаются. Личность захвачена, т. е. всѣ стремленія даннаго лица, вся его наличная энергія направлены къ одному и тому-же пункту. Приспособленіе физическое или внѣшнее служитъ признакомъ приспособленія психическаго, т. е. внутренняго. Сосредоточеніе есть введеніе къ единству, замѣняющему разсѣянность движеній и принимаемыхъ тѣломъ положеній, которая характеризуетъ нормальное состояніе.

Въ случаяхъ вниманія произвольнаго — приспособленіе тѣла часто бываетъ неполное, перемежающееся, непрочное. Хотя движенія и пріостанавливаются, но отъ времени до времени они снова появляются. Организмъ сосредоточивается, но это происходитъ вяло и слабо. Перерывы въ приспособленіи физическомъ свидѣтельствуютъ о перерывахъ въ приспособленіи умственномъ. Личность захвачена лишь отчасти и только по временамъ.

Прошу читателя извинить меня за ту неясность и неполноту, которыя онъ замѣтитъ въ этихъ краткихъ набросокахъ. Подробности и доказательства, подтверждающія сказанное, онъ найдетъ ниже. Пока требовалось только выработать опредѣленіе вниманія, которое я предлагаю въ слѣдующей формѣ: *это умственный моноидеизмъ, сопровождаемый непроизвольнымъ или искусственнымъ приспособленіемъ индивидуума*. Эта формула можетъ быть замѣнена другою: *вниманіе есть умственное состояніе исключительное или преобладающее, сопровождаемое непроизвольнымъ или искусственнымъ приспособленіемъ индивидуума*.

Отъ этихъ общихъ положеній перейдемъ теперь къ изученію механизма вниманія во всѣхъ его формахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вниманіе непроизвольное.

I.

До тѣхъ поръ, пока мы еще не имѣемъ дѣла съ воспитаніемъ и различными искусственными мѣрами, — вниманіе непроизвольное является единственно существующимъ. У большинства животныхъ и у маленькихъ дѣтей не наблюдается иной формы вниманія. Это — природный даръ, весьма неравномѣрно распредѣленный между индивидуумами. Но каково бы ни было вниманіе, будь оно слабо или сильно, оно всегда *вызывается аффективнымъ состояніемъ*; это общее правило, не допускающее исключеній.

Какъ человѣкъ, такъ и животное непроизвольно обращаетъ свое вниманіе только на то, что его касается, что интересуетъ его. что вызываетъ въ немъ состояніе пріятное, непріятное или смѣшанное. Такъ-какъ удовольствіе и огорченіе служатъ только признаками, что извѣстныя стремленія наши удовлетворены или, напротивъ, встрѣчаютъ противодѣйствіе, и такъ-какъ стремленія наши глубоко лежатъ въ насъ самихъ и выражаютъ сущность нашей личности, нашъ характеръ, то изъ этого слѣдуетъ, что и характеръ непроизвольнаго вниманія коренится въ глубокихъ тайникахъ нашего существа. Направленіе непроизвольнаго вниманія даннаго лица обличаетъ его характеръ или, по меньшей мѣрѣ, его стремленія. Основываясь на этомъ признакѣ, мы можемъ вывести заключеніе относительно даннаго лица, что это человѣкъ легкомысленный, банальный, ограниченный, чистосердечный или глубокій. Такъ, привратница невольно все свое вниманіе отдаетъ сплетнямъ; красивый солнечный закатъ привлекаетъ вниманіе художника, дѣйствуя на его эстетическую жилку,

тогда-какъ поселянинъ въ томъ-же закатѣ видитъ лишь приближеніе ночи: простые камни возбуждаютъ любознательность геолога, между тѣмъ какъ для профана это только булыжники и ничего болѣе. Подобные факты столь многочисленны, что останавливаться на нихъ не представляется никакой надобности; стоитъ только читателю заглянуть въ себя или бросить взглядъ на окружающее.

На первый взглядъ кажется удивительнымъ, какимъ образомъ такая очевидная, бросающаяся въ глаза истина—что непроизвольное вниманіе безъ предшествовавшаго ему аффективнаго состоянія было-бы слѣдствіемъ безъ причины—не сдѣлалась до сихъ поръ общимъ мѣстомъ въ психологіи но дѣло въ томъ, что большинство психологовъ брались только за изученіе высшихъ формъ вниманія, т. е. начинали съ конца. *) Необходимо наоборотъ остановиться на формѣ первоначальной: безъ нея все непонятно; изслѣдователю не на что опереться, и онъ остается безъ руководящей нити въ своей работѣ. Мы не боимся поэтому увеличить число доказательствъ.

Предположимъ, что существуетъ человѣкъ или животное, неспособное ощущать удовольствіе или непріятность; такой человѣкъ или такое животное окажется неспособнымъ и ко вниманію. Для него будетъ существовать только состояніе большаго или меньшаго напряженія, что представляетъ нѣчто совершенно другое. Невозможно поэтому утверждать вмѣстѣ съ Кондильякомъ, что если между множествомъ ощущеній одно какое-нибудь отличается своей силой, то оно „преобразуется во вниманіе“. Здѣсь имѣетъ значеніе не только напряженность, но прежде всего наша приспособленность, т. е. то обстоятельство, удовлетворены-ли наши стремленія или, напротивъ, встрѣчаютъ противодѣйствіе. Напряженность представляетъ только составную часть, иногда самую незначительную. Замѣтьте, какъесте-

---

*) Психологовъ, ясно понимавшихъ важную роль аффективныхъ состояній въ вопросѣ о вниманіи, такъ мало, что я могу указать только на «Физіологію ума» Маудсли, гл. V; «Problemes of Life and Mind», Льюиса, т. III, стр. 184; «Mental Physiology» Карпентера, гл. III; «Psychologische Analysen» Горвица, томъ I, и на нѣсколько послѣдователей Гербарта, въ особенности на Фолькмана фонъ-Фолькмара («Lehrbuch der Psychologie», томъ II, § 114).

ственно непроизвольное вниманіе, насколько оно не нуждается въ усиліи. Такъ напримѣръ, праздношатающійся по улицѣ зѣвака, созерцая проходящую процессію, стоитъ неподвижно съ открытымъ ртомъ все время, пока она дефилируетъ мимо него. Наступленіе момента, когда требуется усиліе, служитъ признакомъ, что вниманіе измѣнило свой характеръ, что оно становится произвольнымъ, искусственнымъ.

Въ біографіяхъ великихъ людей можно указать множество фактовъ, доказывающихъ, что непроизвольное вниманіе всецѣло зависитъ отъ аффективныхъ состояній. Это факты наиболѣе цѣнные, потому что они характеризуютъ явленіе во всей его силѣ. Вниманіе, давши великіе результаты, всегда вызывалось и часто поддерживалось сильною страстью. Араго приводитъ примѣръ Фурье, который до тринадцатилѣтняго возраста отличался необузданно-рѣзвымъ характеромъ и неспособностью къ прилежанію, но, познакомившись съ началами математики, сталъ другимъ человѣкомъ. Мальбраншъ случайно и противъ своего желанія началъ читать трактатъ Декарта *о человѣкѣ*; но чтеніе это такъ возбуждающе дѣйствовало на него, что „вызывало сильнѣйшее сердцебіеніе, благодаря которому ему постоянно приходилось откладывать книгу въ сторону, чтобы вздохнуть свободно“; онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался картезіанцемъ. Нѣтъ надобности говорить о Ньютонѣ и многихъ другихъ. Мнѣ возразятъ — быть можетъ, что вышеприведенные примѣры суть только признаки обнаруживающагося призванія. Но что-же такое призваніе, какъ не вниманіе, извѣстнымъ образомъ направленное втеченіе всей жизни? Трудно найти лучшіе примѣры непроизвольнаго вниманія, такъ-какъ здѣсь оно продолжается не часъ, не нѣсколько минутъ, а постоянно.

Обратимся къ другой сторонѣ вопроса. Представляется-ли состояніе вниманія непрерывнымъ? По виду, да; въ дѣйствительности же—это перемежающееся состояніе. „Направить вниманіе на данный предметъ,—значитъ, строго говоря, слѣдить за рядомъ впечатлѣній или связанныхъ между собою мыслей съ постоянно возобновляемымъ и усиливающимся интересомъ. Примѣромъ можетъ служить наше состояніе, когда мы присутствуемъ на драматическомъ представленіи. Даже и въ томъ случаѣ, ко-

гда вниманіе направлено на какой-нибудь небольшой вещественный предметъ, вродѣ цвѣтка или монеты, замѣчается непрерывное перебѣганіе мысли отъ одного признака предмета къ другому, цѣлый рядъ наводящихъ впечатлѣній. Слѣдовательно мы выразимся гораздо точнѣе, если скажемъ, что объектъ вниманія составляетъ центръ послѣдняго, его точку отправленія, къ которой оно постоянно возвращается" *).

Психофизическія изслѣдованія, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи (гл. II, § 4), показываютъ, что вниманіе подвержено закону ритма. Стэнли Галль, тщательно изучивъ различныя измѣненія въ давленіи, произведенномъ на кончикъ пальца, констатировалъ, что восприятіе непрерывности невозможно, что субъектъ не въ состояніи ощущать непрерывное возрастаніе или ослабленіе давленія. Вниманіе останавливается для сравненія на нѣсколькихъ опредѣленныхъ моментахъ. Къ колебаніямъ вниманія должны быть отнесены нѣкоторыя ошибки, замѣчаемыя въ записяхъ астрономическихъ явленій **).

Маудсли и Льюисъ уподобляютъ понятіе о вниманіи понятію о рефлексѣ, но правильнѣе было бы сказать, что это рядъ рефлексовъ. Возбужденіе физическое производитъ движеніе. Точно такъ же возбужденіе, вызванное объектомъ, производитъ постоянно повторяемое приспособленіе. Случаи глубокаго и устойчиваго непроизвольнаго вниманія обнаруживаютъ всѣ признаки неутомимой страсти, постоянно возобновляющейся и постоянно жаждущей удовлетворенія. Алкоголикъ не можетъ видѣть наполненнаго стакана, не выпивъ его содержимаго, и, еслибы нашлась злобная фея, постоянно доливающая этотъ стаканъ, онъ продолжалъ бы пить, не останавливаясь. Любовная страсть находится въ тѣхъ-же условіяхъ. Викъ д'Азиръ увѣрялъ, что обезьяны не поддаются воспитанію, потому что онѣ неспособны ко вниманію (что, впрочемъ, невѣрно). На это Галль возражалъ: покажите обезьянѣ ея самку, и вы увидите, что она способна ко вниманію. Точно такъ-же дѣйствуетъ и мысль Ньютона, когда онъ наталкивается на какую-либо научную задачу; онъ нахо-

*) J. Sully, «Outlines of Psychology», гл. IV.

**) «American journal of Psychology», 1887, № 1. «Philosophische Studien», 1888, т. V, стр. 56 и слѣдующія.

дится во власти постояннаго возбужденія, не дающаго ему ни минуты покоя. Мы не знаемъ факта болѣе вѣрнаго, болѣе несомнѣннаго, нежели слѣдующій: непроизвольное вниманіе зависитъ отъ аффективныхъ состояній, желаній, чувства удовлетворенности, неудовольствія, ревности и т. д.; его интенсивность и продолжительность зависятъ отъ интенсивности и продолжительности аффективныхъ состояній.

Отмѣтимъ здѣсь фактъ большой важности въ механизмѣ вниманія. Колебанія послѣдняго, въ дѣйствительности существующія, не смотря на кажущуюся непрерывность, исключительно обусловливаютъ возможность продолжительнаго вниманія. Если мы направимъ одинъ глазъ на одну опредѣленную точку, то замѣтимъ, что по истеченіи извѣстнаго времени зрѣніе становится неясно, что между нами и объектомъ вниманія появилось какъ-бы облако, и въ концѣ концовъ мы перестаемъ видѣть. Если мы положимъ руку плашмя на столъ и будемъ держать ее неподвижно, не производя давленія (ибо давленіе есть движеніе), то ощущеніе постепенно притупляется и совершенно исчезаетъ. Это доказываетъ, что нѣтъ воспріятія безъ движенія, какъ-бы слабо ни было послѣднее. Всякій органъ чувства въ одно и то же время органъ чувствительный и двигательный. Какъ только безусловная неподвижность исключитъ одинъ изъ двухъ элементовъ (движущую силу), такъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ функція другого сводится къ нулю. Словомъ, движеніе есть условіе измѣняемости, которая въ свою очередь служитъ однимъ изъ условій сознанія. Эти факты, общеизвѣстные изъ обыденнаго опыта, объясняютъ намъ необходимость означенныхъ выше колебаній во вниманіи, которыя часто остаются незамѣченными для сознанія, благодаря тому, что они весьма кратковременны и неуловимы для наблюденія.

II.

Физическія проявленія вниманія многочисленны и крайне важны. Мы намѣрены тщательно разсмотрѣть ихъ, предупреждая заранѣе, что считаемъ ихъ не столько слѣдствіями этого состоянія ума, сколько необходимыми его условіями, часто даже

являющимися его составными элементами. Вслѣдствіе сказаннаго выше, изученіе ихъ имѣетъ для насъ значеніе не вспомогательное, а капитальное. Только на этой почвѣ и возможно составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о механизмѣ вниманія. Въ сущности вниманіе есть только извѣстное положеніе ума, состояніе чисто формальное: если отнять у него сопровождающія и опредѣляющія его физическія явленія, дающія ему плоть, то остается чисто-отвлеченное понятіе, иначе призракъ. Вотъ почему всѣ тѣ, которые говорили о вниманіи на основаніи только самонаблюденія, ни словомъ не обмолвились объ его механизмѣ и ограничились лишь тѣмъ, что превознесли его могущественную силу.

Необходимо постоянно помнить слѣдующій основной принципъ: каждое умственное состояніе сопровождается опредѣленными физическими проявленіями. Мысль не представляетъ явленія, происходящаго въ мірѣ сверхчувственнымъ, въ средѣ эфирной и неуловимой, какъ до сихъ поръ по традиціи допускаютъ многіе. Мы должны повторить вмѣстѣ съ Сѣченовымъ: «нѣтъ мысли безъ выраженія». Другими словами: мысль, при самомъ зарожденіи, уже есть слово или дѣйствіе, т. е. начало мускульной дѣятельности. Внѣшнія формы вниманія такъ ясно подтверждаютъ этотъ принципъ, что здѣсь не можетъ быть мѣста сомнѣнію; точно то-же можно сказать и о той внутренней, скрытой формѣ, называемой размышленіемъ, о которой мы намѣрены говорить ниже.

Составные элементы вниманія, какъ состоянія физическаго, сводятся къ тремъ группамъ: явленія сосудодвигательныя, явленія дыхательныя и явленія двигательныя, служащія для внѣшняго выраженія. Всѣ эти явленія обнаруживаютъ сосредоточенное состояніе организма, концентрацію работы.

I. Представимъ себѣ, что двадцать человѣкъ сосредоточиваютъ вниманіе на время отъ пяти до десяти минутъ на своемъ мизинцѣ; вотъ приблизительно что произойдетъ: у однихъ не явится никакого ощущенія; другіе, напротивъ, будутъ испытывать опредѣленныя ощущенія, страданіе, боль, біеніе артерій; большинство-же получитъ впечатлѣніе слабаго давленія и мурашекъ. Этотъ простой опытъ вызываетъ слѣдующіе вопросы: не возникаютъ-ли постоянно въ той или другой части нашего тѣла

ощущенія, производимыя непрерывными измѣненіями тканей,— измѣненіями, остающимися не замѣченными, пока на нихъ не останавливается вниманіе? Можетъ-ли актъ вниманія увеличить дѣятельность сосудовъ въ чувствительныхъ гангліяхъ и возбудить въ нихъ субъективныя ощущенія? Возможно-ли наконецъ такого рода возбужденіе симпатическихъ центровъ и такое вліяніе на сосудодвигательные нервы, которое причиняло бы временныя измѣненія въ пальцѣ, испытывающемъ ощущеніе? Первое предположеніе представляется маловѣроятнымъ. Собственно говоря, всегда можно найти ощущеніе въ пальцѣ, когда со вниманіемъ ищешь его. Другія-же два предположенія кажутся намъ весьма основательными. Возможно, что испытываемое ощущеніе отчасти субъективно, но, по нашему мнѣнію, въ пальцѣ, на которомъ втеченіе довольно продолжительнаго времени сосредоточена мысль, дѣйствительно локализируются ощущенія. Измѣненія, происходящія въ дѣятельности сосудовъ, ощущаются въ формѣ артеріальныхъ біеній, тяжести и т. д. *).

Весьма вѣроятно и почти общепризнано, что вниманіе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не направлено на какую-либо область нашего тѣла, сопровождается мѣстной гипереміей извѣстныхъ частей мозга. Дѣятельность сосудовъ въ соотвѣтствующихъ частяхъ мозга усиливается вслѣдствіе увеличенія функціональной дѣятельности. Эта мѣстная гиперемія происходитъ отъ растяженія артерій, въ свою очередь вызываемаго дѣйствіемъ сосудодвигательныхъ нервовъ на мускульные покровы артерій. Сосудодвигательные нервы зависятъ отъ главнаго симпатическаго нерва, не подчиненнаго дѣйствію воли, но подверженнаго всѣмъ вліяніямъ аффективныхъ состояній. Опыты Моссо между прочимъ показываютъ, что малѣйшая эмоція, какъ-бы мимолетна она ни была, производитъ приливъ крови къ мозгу. «Кровообращеніе происходитъ съ бо̀льшей скоростью въ мозгу въ то время, когда онъ работаетъ, чѣмъ во время его бездѣйствія. Поэтому мы имѣемъ право сказать, что вниманіе, направленное на совокупность извѣстныхъ мыслей, ведетъ за собой ускореніе кровообращенія въ нервномъ субстратѣ этихъ мыслей. Это и происходитъ на са—

*) Тьюкъ. *Духъ и тѣло.* Переводъ П. Викторова.

момъ дѣлѣ, когда какая-нибудь мысль сильно овладѣваетъ умомъ человѣка: мысль эта поддерживаетъ въ мозгу усиленное кровообращеніе и не даетъ ни сна, ни покоя» *). Отмѣтимъ еще замѣчаемую послѣ продолжительнаго вниманія красноту (иногда блѣдность) лица.

II. Дыхательныя измѣненія, сопровождающія вниманіе, приближаются къ явленіямъ двигательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ и входятъ частью въ ощущеніе усилія. Дыхательный ритмъ измѣняется; онъ замедляется и иногда подвергается временной пріостановкѣ. «Пріобрѣсти силу вниманія—говоритъ Льюисъ—значитъ научиться чередовать приспособленія ума съ ритмическими движеніями дыханія. Французы весьма удачно опредѣляютъ живой, но поверхностный умъ, говоря: онъ неспособенъ къ дѣлу, *требующему длиннаго дыханія* (продолжительнаго времени)» **). Зѣвота, являющаяся послѣ усиленнаго и продолжительнаго вниманія, есть, вѣроятно, слѣдствіе замедленія дыханія. Часто въ такихъ случаяхъ приходится сдѣлать глубокое вдыханіе, чтобы въ достаточной степени возобновить воздухъ въ легкихъ. Вздохъ, который также служитъ дыхательнымъ симптомомъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ писателей, составляетъ принадлежность вниманія, а также и боли физической и нравственной: роль его состоитъ въ окисленіи крови, наркотизованной произвольной или непроизвольной пріостановкой дыханія.

Всѣ эти явленія служатъ только подтвержденіемъ сказаннаго выше: вниманіе есть фактъ исключительный, ненормальный; оно не можетъ поддерживаться втеченіе продолжительнаго времени.

III. Тѣлодвиженія, которыя, какъ говорится обыкновенно, выражаютъ вниманіе, представляютъ собою явленія капитальной важности. Въ этой главѣ мы можемъ только отчасти изучить ихъ: все остальное будетъ болѣе умѣстно въ главѣ о произвольномъ вниманіи ***); но здѣсь мы въ первый разъ познакомимся съ двигательнымъ механизмомъ этого явленія.

---

*) Maudsley, *Physiologie de l'esprit*, trad. Herzen, p. 381. — Gley, *Sur l'état du pouls carotidien pendant le travail intellectuel.*

**) Lewes, *loc. cit.* стр. 188.

***) См. дальше, глава II.

Займемся сначала фактами. Ихъ стали изучать серьезно только съ недавнихъ поръ. До послѣдняго же времени область эта составляла достояніе лишь немногихъ художниковъ и нѣкоторыхъ физіономистовъ, мало стѣснявшихъ полетъ своей фантазіи.

Дюшену, которому принадлежитъ инціатива въ этомъ вопросѣ, пришло въ голову замѣнить непосредственное наблюденіе, практиковавшееся его предшественниками (К. Беллемъ, Граціоле и др.), экспериментальнымъ методомъ. Помощью электричества онъ вызывалъ изолированное сокращеніе какого-либо лицевого мускула человѣка, страдавшаго анестезіей, и посредствомъ фотографіи запечатлѣвалъ результатъ опыта. Сообразно съ теоріей, изложенной имъ въ его «Méchanisme de la physionomie humaine» (1862), часто достаточно сокращенія одного мускула для выраженія даннаго душевнаго движенія; каждое аффективное состояніе производитъ единичное мѣстное измѣненіе. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, лобная мышца есть мускулъ вниманія; круговая мышца вѣкъ — мускулъ раздумья; мышца, поднимающая крыло носа, — мускулъ угрозы; большая скуловая мышца — мускулъ смѣха; мышца, сморщивающая брови, — мускулъ страданія; мышца, опускающая уголъ рта, — мускулъ презрѣнія и т. д.

Однако же Дюшенъ ограничивался только констатированіемъ фактовъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру І. Мюллера, заявлявшаго, что выраженіе эмоцій представляетъ собою фактъ вполнѣ необъяснимый. — Дарвинъ пошелъ далѣе. Пользуясь сравнительнымъ методомъ и опираясь на тщательныя изслѣдованія, онъ сталъ искать происхожденія различныхъ механизмовъ выраженія духовной жизни. Онъ старался выяснить, почему сокращеніе даннаго лицевого мускула обязательно связано съ даннымъ состояніемъ духа.

Не будь этихъ кропотливыхъ изслѣдованій, всякая попытка для объясненія механизма вниманія была-бы преждевременна. Какъ браться за объясненія механизма, когда неизвѣстны составляющія его колеса? Прослѣдимъ вкратцѣ, что извѣстно относительно вниманія въ обѣихъ его формахъ, а именно: 1) направленнаго на внѣшніе предметы (вниманіе въ тѣсномъ смыслѣ) и 2) на явленія внутренняго міра (размышленіе).

Вниманіе (для точности назовемъ его вниманіемъ чувстви-

тельнымъ) сокращаетъ лобный мускулъ. Этотъ мускулъ, покрывающій всю область лба, неподвижно прикрѣпляется въ задней части черепа, между тѣмъ какъ подвижный его край оканчивается подъ кожею бровей. Сокращаясь, онъ притягиваетъ бровь, поднимаетъ ее и образуетъ поперечныя складки на лбу, вслѣдствіе чего глазъ сильно раскрывается. Въ случаяхъ исключительныхъ также широко раскрывается и ротъ. У дѣтей и у многихъ взрослыхъ сильно напряженное вниманіе производитъ надуваніе губъ, складывающихся въ извѣстную гримасу. Прейеръ пытался объяснить происхожденіе этой игры физіономіи вліяніемъ наслѣдственности. «Всѣ животныя,—говоритъ онъ,—направляютъ сначала свое вниманіе на отысканіе пищи. Первыми объектами ихъ изслѣдованій служатъ тѣ предметы, которыхъ они могутъ коснуться своими губами, щупальцами, хоботомъ, языкомъ. Всякое исканіе пищи сопровождается преобладающей дѣятельностью рта и его принадлежностей. У младенца, сосущаго грудь, ротъ вытягивается впередъ.» Такимъ образомъ, думаетъ онъ, образовалась ассоціація между первыми движеніями рта и дѣятельностью вниманія.

Размышленіе выражается инымъ образомъ, почти обратнымъ. Оно дѣйствуетъ на круговую мышцу вѣкъ и опускаетъ брови. Вслѣдствіе этого образуются маленькія вертикальныя складки въ пространствѣ между бровями: глазъ полуоткрытъ или совершенно закрытъ, или-же смотритъ внутрь. Двиганіе бровей придаетъ физіономіи выраженіе умственной энергіи. Ротъ закрытъ, какъ-бы для того, чтобы содѣйствовать требуемому усилію.

Вниманіе приспособляется къ внѣшнему міру, размышленіе—къ внутреннему. Дарвинъ объясняетъ способъ выраженія размышленія при помощи аналогіи: это положеніе, принимаемое при затрудненномъ зрѣніи, перенесенномъ отъ внѣшнихъ предметовъ къ явленіямъ внутреннимъ, которыя схватываются нелегко *). До сихъ поръ мы говорили лишь о движеніяхъ лица, но существуютъ еще движенія всего тѣла: головы, туловища и конечностей. Нѣтъ никакой возможности подробно описать ихъ, потому

*) См. для подробностей: Дарвинъ —*Выраженіе ощущеній*, гл. X; Прейеръ — *Душа ребенка* и Мантегацца —*Физіономія*, гл XVI.

что они различны для каждаго отдѣльнаго вида животныхъ *). Существуютъ вообще: неподвижность, приспособленіе глазъ, ушей, осязанія, смотря по надобности; однимъ словомъ, единство дѣйствія, сосредоточеніе. Сосредоточеніе сознанія и движеній, разсѣянность мыслей и разсѣянность движеній идутъ параллельно. Напомнимъ о замѣчаніяхъ и вычисленіяхъ Гальтона касательно этого предмета. Онъ наблюдалъ пятьдесятъ человѣкъ, присутствовавшихъ на скучномъ чтеніи. Число движеній, ясно замѣтныхъ для наблюдателя, было очень постоянно; оно равнялось сорока пяти въ минуту, т. е. среднимъ числомъ приходилось по одному движенію на человѣка. Нѣсколько разъ случалось, что вниманіе слушателей пробуждалось на время; тогда число движеній уменьшалось на половину; кромѣ того, движенія эти изъ медленныхъ и вялыхъ переходили въ болѣе отрывистыя и быстрыя.

Здѣсь слѣдуетъ предупредить возможное возраженіе. Каждому извѣстно, что вниманіе, по крайней мѣрѣ въ его отраженной формѣ, иногда сопровождается движеніями. Многіе, желая разрѣшить какое-нибудь недоумѣніе, начинаютъ ходить, другіе ударяютъ себя въ лобъ, чешутъ затылокъ, трутъ глаза, производятъ ритмическія и непрерывныя движенія руками и ногами. Это, конечно, затрата, а не экономія движеній, но затрата, приносящая пользу. Движенія, производимыя такимъ образомъ, не должны быть разсматриваемы, какъ простыя механическія явленія, дѣйствующія только на внѣшнюю среду; черезъ мускульное чувство они дѣйствуютъ и на мозгъ, воспринимающій ихъ также, какъ и другія чувственныя воспріятія, и увеличиваютъ мозговую дѣятельность. Быстрая ходьба, прогулка ради движенія ускоряютъ теченіе мыслей и увеличиваютъ быстроту рѣчи; онѣ, по выраженію Бэна, производятъ механическое опьяненіе. Опытныя изысканія Фере, которыхъ мы не можемъ привести здѣсь **), даютъ намъ многочисленные примѣры динамогеническаго дѣйствія движеній. Собираясь работать, мы потягиваемся; эти движенія имѣютъ цѣлью пробудить двигательные центры.

---

*) Хорошія наблюденія надъ выраженіемъ вниманія у животныхъ можно найти у Риккарди и *Saggio di studi e di osservazioni interno all' attenzione nell'uomo e negli animalio*. Modène, 1877 (2-я часть, стр 1—17).

**) См. его книгу: *Sensation et Mouvement*.

Бывали случаи, что пассивныя движенія, сообщаемыя парализованнымъ членамъ, оживляя двигательные образы, способствовали возстановленію потерянной дѣятельности. Замѣтимъ, между прочимъ, что результатомъ этихъ движеній является усиленіе умственной дѣятельности, а не сосредоточеніе вниманія; они просто доставляютъ послѣднему извѣстный матеріалъ. Это предварительная операція.

Устранивъ это возраженіе, мы можемъ теперь опредѣлить истинную роль движеній въ актѣ вниманія. До сихъ поръ мы ограничивались только описаніемъ ихъ. Постараемся формулировать вопросъ по возможности ясно. Представляютъ-ли движенія лица, туловища, конечностей и дыхательныя измѣненія, сопровождающія вниманіе, просто, какъ принято думать, слѣдствія, знаки? Или же это, наоборотъ, *необходимыя условія, составные элементы, необходимые факторы вниманія*? Мы безъ всякихъ колебаній принимаемъ второй тезисъ. Окончательное уничтоженіе движеній сопровождалось-бы совершеннымъ уничтоженіемъ вниманія.

Пока мы можемъ только отчасти установить это положеніе, которое явится для насъ въ иномъ свѣтѣ при изученіи произвольнаго вниманія, что составитъ предметъ слѣдующей главы; но такъ какъ мы уже коснулись главнаго пункта механизма вниманія, то считаемъ необходимымъ продолжать.

Основная роль движеній въ актѣ вниманія состоитъ въ *поддержаніи* и *усиленіи* даннаго состоянія сознанія. Такъ какъ здѣсь дѣло касается механизма, то предпочтительнѣе разсматривать этотъ вопросъ съ физіологической точки зрѣнія, наблюдая за тѣмъ, что происходитъ въ мозгу, какъ органѣ движенія и мысли въ одно и то-же время.

1. Какъ органъ мышленія, мозгъ служитъ субстратомъ для воспріятій (при вниманіи чувствительномъ) и для образовъ и идей (при размышленіи). Предположимъ, что функціонирующіе нервные элементы доставляютъ работу выше средней. Вниманіе вызываетъ, безъ сомнѣнія, интенсивную иннервацію тамъ, гдѣ оно участвуетъ, что доказываютъ многочисленные психометрическіе опыты.

„Дѣятельность какой-нибудь мысли, — говоритъ Маудсли, —

порождаетъ въ нервныхъ элементахъ молекулярное измѣненіе, распространяющееся по чувствительнымъ нервамъ до периферіи или, по крайней мѣрѣ, до чувствительныхъ гангліевъ, чувствительность которыхъ вслѣдствіе этого возрастаетъ. Въ результатѣ этого распространенія молекулярной дѣятельности по чувствительнымъ нервамъ до гангліевъ получается, что мускулы, находящіеся въ связи съ даннымъ чувствомъ, рефлективно сокращаются и даютъ сильнѣе чувствовать состояніе вниманія". По Гартману, вниманіе состоитъ „въ матеріальной вибраціи нервовъ", „въ нервномъ токѣ, проходящемъ по чувствительнымъ нервамъ въ направленіи отъ центра къ периферіи" *).

Но существуетъ еще одинъ элементъ, не менѣе важный.

2. Въ качествѣ двигательнаго органа мозгъ играетъ сложную роль. Во-первыхъ, онъ дѣйствуетъ, какъ инициаторъ движеній, сопровождающихъ воспріятіе, образъ или идею; затѣмъ эти движенія, часто интенсивныя, возвращаются къ мозгу посредствомъ мускульнаго чувства въ качествѣ ощущеній движенія; эти послѣднія увеличиваютъ количество наличной энергіи, которая съ одной стороны служитъ къ поддержанію или усиленію вниманія, съ другой-же—возвращается къ своей отправной точкѣ въ формѣ новаго движенія. Такимъ образомъ устанавливается теченіе отъ центра къ периферіи, отъ периферіи — къ центру, затѣмъ отъ центра, получившаго подкрѣпленіе,—снова къ периферіи и т. д. Интенсивность сознанія представляетъ только субъективное проявленіе этой сложной работы. Но предполагать, что она можетъ существовать независимо отъ своихъ органическихъ условій,—значитъ строить праздную гипотезу, безусловно расходящуюся со всѣмъ тѣмъ, чему учитъ насъ опытъ. Наивный зритель, скучающій во время опернаго представленія, потому что ровно ничего не смыслитъ въ музыкѣ, весь обращается во вниманіе при внезапной перемѣнѣ декорацій; это происходитъ оттого, что зрительное впечатлѣніе моментально произвело приспособленіе глазъ и всего тѣла. Безъ этого органическаго сосредоточенія впечатлѣніе быстро исчезло-бы. „Разница между вниманіемъ и произвольнымъ движеніемъ,—говоритъ Вундтъ,—состоитъ въ преобладающемъ

*) *Философія безсознательнаго.*

реагированіи на органы чувствъ, которое представляетъ первоначальный источникъ процесса. При произвольномъ движеніи центральное возбужденіе направляется главнымъ образомъ къ мускуламъ; въ актѣ вниманія мускулы способствуютъ только подчиненнымъ сочувственнымъ движеніямъ *)", иначе говоря, происходятъ рефлективныя движенія. Наконецъ, резюмируя вмѣстѣ съ Маудсли сказанное объ этомъ механизмѣ, мы найдемъ, что „сначала происходитъ возбужденіе, пролагающее путь для соотвѣтственныхъ идей посредствомъ внѣшняго или внутренняго представленія; а затѣмъ—увеличеніе энергіи этого перваго возбужденія, помощью новаго импульса, который, исходя изъ соотвѣтственной двигательной иннерваціи, пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую силу, благодаря послѣдующей реакціи чувствительныхъ центровъ, участвующихъ болѣе, нежели другіе, въ составленіи данной идеи, такъ какъ взаимное вліяніе этихъ чувствительныхъ и двигательныхъ факторовъ до извѣстной степени усиливаетъ дѣятельность послѣдней" **).

И такъ, сравнивая обыкновенное состояніе субъекта съ состояніемъ вниманія, мы находимъ въ первомъ случаѣ слабыя представленія, малое количество движеній; во второмъ же—яркое представленіе, энергичныя и сосредоточенныя движенія и, кромѣ того, отраженіе произведенныхъ движеній. Нужды нѣтъ, будетъ-ли послѣдній придатокъ сознателенъ или безсознателенъ: сознаніе же производитъ этой работы, оно лишь пользуется ею.

Мнѣ могутъ возразить: мы допускаемъ это отраженное дѣйствіе движеній на мозгъ, но нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что эти движенія, при своемъ возникновеніи, не представляютъ попросту результатъ вниманія. Здѣсь возможны три гипотезы: вниманіе (состояніе сознанія) служитъ причиною движеній, или же оно представляетъ слѣдствіе движеній, или-же, наконецъ, оно сначала является ихъ причиною, а затѣмъ слѣдствіемъ.

Я не остановлюсь ни на одной изъ этихъ гипотезъ, имѣющихъ значеніе чисто логическое или діалектическое; я бы желалъ по-

---

*) *Physiologische Psychologie*, стр. 723—724 перваго изданія. Въ послѣдующихъ изданіяхъ нѣтъ этого мѣста.

**) *Loc. cit.*, стр. 301.

ставить вопросъ иначе. Въ этой формѣ онъ насквозь проникнутъ тѣмъ традиціоннымъ дуализмомъ, отъ котораго такъ трудно избавиться психологіи, и сводится въ сущности къ вопросу о томъ, что̀ предшествуетъ: воздѣйствіе-ли души на тѣло, или же наоборотъ —воздѣйствіе тѣла на душу? Это загадка, за разрѣшеніе которой я не берусь. Для физіологической психологіи существуютъ только внутреннія состоянія, разнящіяся между собой какъ по своимъ собственнымъ свойствамъ, такъ и по физическимъ проявленіямъ, имъ сопутствующимъ. Если возникающее душевное состояніе слабо и выраженіе его неуловимо, то оно не можетъ назваться вниманіемъ. Если-же оно сильно, стойко, ограничено въ своихъ предѣлахъ и выражается вышеназванными физическими измѣненіями, то это дѣйствительное вниманіе. Мы утверждаемъ только, что вниманіе не существуетъ *in abstracto*, въ качествѣ явленія чисто внутренняго. Это конкретное состояніе, психо-физіологическое сочетаніе. Уничтожьте у нашего зрителя, присутствующаго на оперномъ представленіи, приспособляемость глазъ, головы, туловища, конечностей, дыхательныя измѣненія, измѣненія въ мозговомъ кровообращеніи и т. д.; уничтожьте сознательное и безсознательное реагированіе на мозгъ всѣхъ этихъ явленій, и первоначальное цѣлое, такимъ образомъ обобранное и лишенное содержанія, не будетъ уже вниманіемъ. Все, что̀ останется отъ него — эфемерное состояніе сознанія, призракъ того, что̀ было раньше. Мы полагаемъ, что этотъ примѣръ, какимъ-бы фантастическимъ онъ ни представлялся, яснѣе выразитъ нашу мысль, нежели длинныя разсужденія. Двигательныя проявленія — не причины, не слѣдствія, но элементы; вмѣстѣ съ состояніемъ сознанія, составляющимъ ихъ субъективную сторону, они представляютъ вниманіе.

Прошу читателя смотрѣть на сказанное, какъ на набросокъ, предварительный и бѣглый обзоръ предмета, который мы намѣрены пополнить впослѣдствіи. Такъ напримѣръ, мы не говоримъ теперь о чувствѣ усилія, потому что оно если и встрѣчается въ непроизвольномъ вниманіи, то только очень рѣдко; но роль движеній такъ важна, что къ нимъ не мѣшаетъ возвращаться нѣсколько разъ.

III.

Состояніе неожиданности или изумленія есть усиленное непроизвольное вниманіе, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Состояніе это, весьма часто встрѣчающееся въ обыденной жизни, было забыто психологами. Впрочемъ у Декарта въ „Traité des passions“ я встрѣтилъ (часть 2, гл. 70) слѣдующее опредѣленіе: „изумленіе есть внезапно наступившее состояніе души, заставляющее разсматривать со вниманіемъ предметы, которые кажутся ей рѣдкими и необыкновенными. Такимъ образомъ оно вызвано, во-первыхъ, уже существующимъ въ мозгу впечатлѣніемъ, представляющимъ предметъ рѣдкимъ и слѣдовательно достойнымъ тщательнаго изученія, затѣмъ движеніемъ душевныхъ силъ, которыя подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія тяготѣютъ съ большею силою къ той части мозга, гдѣ оно локализируется, чтобы сохранить и укрѣпить его въ ней. Точно такъ-же это впечатлѣніе способствуетъ передачѣ указанныхъ душевныхъ движеній мускуламъ, служащимъ для удержанія органовъ чувствъ въ неизмѣнномъ положеніи, для того чтобы впечатлѣніе поддерживалось и укрѣплялось въ этихъ органахъ, если оно образовалось при ихъ участіи“. Надъ этимъ отрывкомъ стоитъ задуматься. Читая его, мы находимъ — если исключимъ нѣкоторое различіе въ способѣ выраженія — что здѣсь ясно перечислены всѣ тѣ элементы, участіе которыхъ въ непроизвольномъ вниманіи мы старались доказать: увеличеніе нервной работы вслѣдствіе впечатлѣнія, отведеніе части этой работы въ мускулы съ цѣлью „удержать“ и „укрѣпить“. Замѣтимъ между прочимъ, что пріемъ Декарта есть пріемъ физіологической психологіи, а никакъ не спиритуалистической, которая рекламируетъ себя его именемъ.

Чувство неожиданности, или въ болѣе рѣзкой формѣ изумленіе, есть толчокъ, вызванный чѣмъ либо новымъ и непредвидѣннымъ: такъ, внезапное появленіе въ моей квартирѣ человѣка, извѣстнаго мнѣ за домосѣда, и котораго я воображалъ у себя дома въ двухъ стахъ миляхъ отъ меня, вызоветъ во мнѣ чувство изумленія.

Какъ о процессѣ мыслительномъ, объ изумленіи мало что мож-

но сказать. Оно принадлежитъ къ группѣ душевныхъ движеній (эмоцій); въ усиленной же формѣ соотвѣтствуетъ потрясенію. Собственно говоря, это не столько состояніе сознанія, сколько промежутокъ между двумя состояніями, внезапный перерывъ, пробѣлъ, зіяніе. Въ моментъ толчка предшествовавшій полиидеизмъ сразу останавливается, такъ какъ новое состояніе, подобно гиганту, врывается въ борьбу за существованіе, происходящую между различными состояніями сознанія. Мало по малу новое состояніе сознанія классифицируется, вступаетъ во взаимную связь съ другими, уже имѣющимися на лицо; все стремится прійти въ равновѣсіе; но, какъ только прошло чувство неожиданности, за нимъ непосредственно слѣдуетъ вниманіе, т. е. приноровленный моноидеизмъ; приспособленіе успѣло совершиться. Мыслительный элементъ беретъ перевѣсъ надъ элементомъ эмоціональнымъ. Очень возможно, что въ состояніи изумленія мы плохо познаемъ, потому что чувствуемъ слишкомъ сильно.

Въ физическомъ отношеніи симптомы изумленія тѣ же, что̀ и для непроизвольнаго вниманія, но въ формѣ преувеличенной, т. е. болѣе рѣзкой. „Мы видѣли, что вниманіе обнаруживается легкимъ приподнятіемъ бровей. Когда вниманіе переходитъ въ чувство неожиданности, то поднятіе бровей становится энергичнѣе, глаза и ротъ сильно раскрываются... Степень раскрытія этихъ двухъ органовъ соотвѣтствуетъ интенсивности чувства неожиданности“ *). Такое приподнятіе бровей, представляя собою инстинктивный актъ, встрѣчается также у слѣпорожденныхъ и способствуетъ весьма быстрому раскрытію глазъ. Что же касается раскрытія рта, то оно облегчаетъ глубокое и сильное вдыханіе, которое предшествуетъ у насъ всякому большому усилію.

Мы сказали, что чувство неожиданности есть не что иное, какъ непроизвольное вниманіе въ преувеличенной формѣ. Это положеніе я считаю доказаннымъ. Наблюдая чувство неожиданности, мы находимъ ясныя указанія на то, что причина непроизвольнаго вниманія лежитъ въ аффективныхъ состояніяхъ, такъ какъ существуетъ незамѣтная градація отъ непроизвольнаго вни-

---

*) Дарвинъ, *вышепоименованное сочиненіе*, гл. XII. Въ ней говорится о возможномъ происхожденіи этихъ движеній.

манія къ чувству неожиданности, изумленію, оцѣпенѣнію, испугу и ужасу, которые представляютъ очень интенсивныя аффективныя состоянія.

Разсужденіе наше привело насъ обратно къ точкѣ отправленія и показало, что происхожденіе вниманія весьма скромно, такъ какъ простыя формы его связаны съ наиболѣе настоятельными условіями животной жизни и вначалѣ вниманіе имѣло значеніе только біологическое. Но, благодаря привычкѣ психологовъ заниматься исключительно произвольнымъ вниманіемъ и даже высшими его проявленіями, происхожденіе это до сихъ поръ оставалось скрытымъ.

Можно сказать *à priori*, что если вниманіе вызывается аффективными состояніями, причина которыхъ лежитъ въ стремленіяхъ, потребностяхъ, вожделѣніяхъ, то, анализируя до конца, мы найдемъ, что оно связано съ самой глубокой сутью каждаго индивидуума инстинктомъ самосохраненія.

Бѣглый обзоръ фактовъ яснѣе покажетъ намъ, что способность быть внимательнымъ составляла преимущество первой важности въ борьбѣ за жизнь; но здѣсь необходимо отъ человѣка спуститься ниже, весьма низко, въ среду животныхъ. Я оставляю безъ вниманія зачаточныя формы психической жизни, которыя представляютъ слишкомъ обширное поле догадкамъ и уклоненіямъ въ сторону. Чтобы возникло вниманіе, необходимо по крайней мѣрѣ развитіе нѣкоторыхъ изъ пяти чувствъ, нѣсколько опредѣленныхъ воспріятій и въ достаточной степени развитый двигательный аппаратъ. Риккарди, въ вышеупомянутомъ сочиненіи, находитъ первые ясные признаки вниманія у суставчатыхъ.

Животное, устроенное такимъ образомъ, чтобы всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра были равносильны для него и располагались бы всѣ на одномъ и томъ-же планѣ въ сознаніи, причемъ ни одно изъ нихъ не господствовало бы надъ другими и не вызывало къ дѣятельности принаровленнаго двигательнаго приспособленія, оказалось-бы весьма плохо вооруженнымъ для самосохраненія. Не стану говорить о крайнемъ случаѣ, въ которомъ господство и приспособленность были-бы распредѣлены въ пользу впечатлѣній вредныхъ, ибо такимъ образомъ организованное животное безусловно должно погибнуть, представляя изъ себя

организмъ нелогичный, воплощенное противорѣчіе. Остается разсмотрѣть обыкновенный случай, или господство ощущеній полезныхъ, т. е. связанныхъ съ питаніемъ животнаго, его защитой отъ враговъ, распространеніемъ его породы. Впечатлѣнія погони за добычей, бѣгства отъ врага, оплодотворенія самки утверждаются въ сознаніи животнаго вмѣстѣ съ приспособленными движеніями. Вниманіе находится къ услугамъ потребности и въ зависимости отъ нея; оно всегда связано съ дѣятельностью наиболѣе совершеннаго органа чувствъ и бываетъ осязательнымъ, зрительнымъ, слуховымъ или обонятельнымъ, смотря по породѣ животнаго. Здѣсь оно является во всей своей простотѣ и въ этой формѣ легче всего поддается изученію. Необходимо было спуститься до этихъ первобытныхъ формъ, чтобы постигнуть причину его могущественной силы — оно составляетъ условіе жизни и сохраняетъ тотъ же характеръ и въ высшихъ формахъ, гдѣ, переставая служить факторомъ приспособленія къ физической средѣ, становится факторомъ приспособленія къ средѣ соціальной, что мы и увидимъ дальше. Во всѣхъ формахъ вниманія, начиная съ низшей и кончая высшей, существуетъ *единство состава*.

Впрочемъ даже у высшихъ животныхъ вниманіе теряетъ свой ограниченный и матеріальный характеръ. Существованіе громаднаго большинства животныхъ видовъ замкнуто въ слѣдующій тѣсный кругъ: питаніе, самозащита, размноженіе, сонъ; этимъ тѣснымъ кругомъ исчерпывается вся ихъ дѣятельность. Наиболѣе смышленыя изъ нихъ имѣютъ еще одну форму дѣятельности, проявляющуюся въ способности играть; это проявленіе такъ важно, что многіе писатели смотрятъ на него, какъ на зародышъ, изъ котораго развивается искусство. Этой потребности, являющейся уже роскошью, соотвѣтствуетъ и родъ вниманія, также составляющій роскошь. Собака, съ которой хозяинъ ея имѣетъ привычку играть извѣстнымъ образомъ, становится внимательной, какъ только замѣчаетъ, что онъ приготовляется къ игрѣ. Сикорскій, хорошій наблюдатель дѣтскихъ нравовъ, показалъ, что способность къ дѣятельности и вниманію наиболѣе развивается у нихъ во время игръ *).

*) *Revue philosophique*, avril 1885.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Произвольное вниманіе.

Вниманіе произвольное или искусственное есть продуктъ искусства воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ либо. Оно привито ко вниманію непроизвольному или естественному и изъ него черпаетъ условія для своего существованія, подобно тому, какъ привитая вѣтвь питается на счетъ ствола растенія. Въ непроизвольномъ вниманіи объектъ дѣйствуетъ помощью внутреннихъ присущихъ ему свойствъ; въ произвольномъ же вниманіи субъектъ дѣйствуетъ помощью внѣшнихъ, т. е. добавочныхъ, силъ. Здѣсь цѣль является не въ силу случайности или обстоятельствъ; она составляетъ предметъ желанія или выбора, ее принимаютъ или по крайней мѣрѣ ей подчиняются; необходимо приспособиться къ этой цѣли, найти средство для поддержанія вниманія, вслѣдствіе чего состояніе это всегда сопровождается чувствомъ нѣкотораго усилія. Максимумы вниманія непроизвольнаго и произвольнаго представляютъ двѣ совершенныя антитезы: въ одномъ случаѣ требуется наибольшее притяженіе, въ другомъ—наибольшее сопротивленіе. Это два противуположныхъ полюса, между которыми лежатъ всевозможныя ступени до точки, гдѣ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, обѣ формы сливаются другъ съ другомъ.

Хотя произвольное вниманіе служило почти исключительно предметомъ изученія для психологовъ, хотя для многихъ изъ нихъ имъ только и исчерпывается весь вопросъ о вниманіи, тѣмъ не менѣе механизмъ его изслѣдованъ отъ этого не лучше. Чтобы познакомиться съ нимъ, мы намѣрены прослѣдить, какимъ путемъ образуется вниманіе, начертать его генезисъ; затѣмъ мы займемся изученіемъ связаннаго съ нимъ чувства усилія и наконецъ явленій задержки, которыя, по нашему мнѣнію, играютъ капитальную роль въ механизмѣ вниманія.

I.

Процессъ, помощью котораго составляется произвольное вниманіе, сводится къ слѣдующей единственной формулѣ: искусственно сдѣлать привлекательнымъ то, что по природѣ непривлекательно, придать искусственный интересъ вещамъ, которыя сами по себѣ неинтересны. Слово „интересъ" я употребляю въ смыслѣ вульгарномъ, соотвѣтствующемъ перефразѣ: то, что побуждаетъ умъ къ дѣятельности. Но умъ побуждается къ дѣятельности только пріятнымъ, непріятнымъ или смѣшаннымъ воздѣйствіемъ на него предметовъ, т. е. аффектами. Только здѣсь чувства, поддерживающія вниманіе, пріобрѣтены, добавлены и не могутъ быть названы непроизвольными, какъ въ первоначальныхъ проявленіяхъ вниманія. Все сводится къ отысканію дѣйствительныхъ двигателей; если они отсутствуютъ, то произвольное вниманіе не можетъ состояться.

Таковъ процессъ въ общихъ чертахъ, но на практикѣ онъ видоизмѣняется до безконечности.

Наиболѣе понятнымъ является генезисъ вниманія при изученіи дѣтей и высшихъ животныхъ. Лучшими примѣрами будутъ наиболѣе простые.

Въ первый періодъ своей жизни ребенокъ способенъ лишь къ непроизвольному вниманію. Его глаза останавливаются только на блестящихъ предметахъ, на лицѣ матери или кормилицы. Къ концу третьяго мѣсяца онъ изслѣдуетъ поле зрѣнія, постепенно останавливая свой взглядъ на предметахъ менѣе и менѣе интересныхъ (Прейеръ). То-же происходитъ и съ остальными чувствами; переходъ совершается отъ предметовъ, наиболѣе ему близкихъ, къ предметамъ, наименѣе его касающимся. Остановка взгляда, переходящая впослѣдствіи въ интенсивное вниманіе, проявляется во внѣшности болѣе рѣзко выраженнымъ сокращеніемъ нѣкоторыхъ мускуловъ. Вниманіе сопровождается извѣстнымъ аффектомъ, который Прейеръ называетъ „эмоціей удивленія". На высшей своей ступени это состояніе производитъ временную неподвижность мускуловъ. По мнѣнію доктора Сикорскаго, „удивленіе или скорѣе эмоція, сопровождающая психическій процессъ вниманія, наиболѣе характеризуется временной

задержкой дыханія; явленіе это бросается въ глаза человѣку, привыкшему къ ускоренному дыханію дѣтей“ *). Нѣтъ почти возможности указать моментъ перваго появленія воли. Прейеръ думаетъ, что онъ совпадаетъ съ пятымъ мѣсяцемъ, являясь въ формѣ импульса; какъ задерживающая способность, воля проявляется значительно позже.

Пока психическая жизнь остается еще въ періодѣ попытокъ (période d'essai), вниманіе, т. е. переходъ мысли отъ одного предмета къ другому, опредѣляется только ихъ притягательной силой. Зарожденіе произвольнаго вниманія, состоящаго въ способности удерживать мысль на предметахъ непривлекательныхъ, можетъ быть вызвано лишь насильственно, подъ вліяніемъ воспитанія, все равно—исходитъ-ли оно отъ людей, или отъ вещей. Воспитаніе, привитое людьми, болѣе замѣтно, но существуетъ не одно оно.

Ребенокъ отказывается учиться читать; онъ не въ состояніи сосредоточить свой умъ на буквахъ, для него непривлекательныхъ, но онъ жадно всматривается въ картинки, которыя находитъ въ книгѣ. „Что изображаютъ эти картинки?“ На это отецъ отвѣчаетъ: „Когда ты научишься читать, книга тебѣ объ этомъ скажетъ“. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ ребенокъ покоряется; сначала онъ вяло берется за дѣло, потомъ привыкаетъ и наконецъ проявляетъ усердіе, которое приходится уже умѣрять. Это примѣръ генезиса произвольнаго вниманія. Къ желанію естественному, прямому пришлось привить желаніе искусственное и косвенное. Чтеніе есть процессъ, не имѣющій непосредственнаго интереса; но оно имѣетъ интересъ посредствующій; этого достаточно—ребенокъ втянулся въ работу, первый шагъ сдѣланъ. Другой примѣръ я заимствую у Переца **). „Однажды шестилѣтній ребенокъ, *обыкновенно крайне разсѣянный*, усѣлся по собственному побужденію за рояль, чтобы проиграть мотивъ, нравившійся его матери; упражненіе его продолжалось болѣе часа. Тотъ-же ребенокъ, когда ему было семь лѣтъ, видя, что братъ его занятъ исполненіемъ каникулярныхъ работъ, сѣлъ въ каби-

---

*) Sikorski. *Le développement psychique de l'enfant* (*Revue phil.* avril 1885).
**) B. Perez. *L'Enfant de trois à sept ans*, стр. 108.

нетѣ отца. „Что вы дѣлаете здѣсь?“—спросила няня, удивленная, что застала его въ этой комнатѣ.—„Я пишу страницу по-нѣмецки,—отвѣчалъ ребенокъ,—правда, это не особенно весело, но мнѣ хочется сдѣлать пріятный сюрпризъ мамѣ“. Еще примѣръ генезиса произвольнаго вниманія, привитаго на этотъ разъ къ чувству симпатіи, а не эгоизма, какъ въ первомъ примѣрѣ. Ни рояль, ни урокъ нѣмецкаго языка не возбуждаютъ вниманія непроизвольнаго; они вызываютъ вниманіе и приковываютъ его къ себѣ помощью заимствованной силы.

Вездѣ при возникновеніи произвольнаго вниманія замѣчается съ безчисленными варіаціями все тотъ-же механизмъ, приводящій къ полному успѣху, къ успѣху половинному или-же къ неудачѣ: берутся естественные двигатели, отклоняются отъ прямой ихъ цѣли и употребляются (если возможно) для достиженія другой цѣли. Искусство пользуется природными силами для осуществленія своихъ задачъ, и въ этомъ-то смыслѣ я называю такую форму вниманія искусственной.

Не задаваясь перечисленіемъ различныхъ двигателей, которыми пользуются искусственно, чтобы вызвать и упрочить произвольное вниманіе, т. е., какъ уже сказано, придать намѣченной цѣли дѣятельную силу, неприсущую ей самой, я долженъ отмѣтить въ образованіи произвольнаго вниманія три послѣдовательныхъ періода.

Въ первомъ періодѣ вліяніе воспитателя простирается только на простѣйшія чувства: онъ дѣйствуетъ на чувство страха во всѣхъ его формахъ, на эгоистическія стремленія, пользуется привлекательностью наградъ и вліяетъ на нѣжныя и симпатичныя эмоціи, на врожденную любознательность, составляющую какъ-бы умственный аппетитъ, встрѣчающійся у всѣхъ въ извѣстной, хотя-бы и слабой, степени.

Во второмъ періодѣ искусственное вниманіе вызывается и поддерживается чувствами вторичнаго образованія: самолюбіемъ, соревнованіемъ, честолюбіемъ, интересомъ въ практическомъ смыслѣ, чувствомъ долга и т. д.

Третій періодъ—періодъ организованнаго вниманія: вниманіе вызывается и поддерживается привычкой. Такъ, ученикъ, сидящій въ классной комнатѣ, работникъ, трудящійся въ мастер-

ской, чиновникъ, занимающійся въ канцеляріи, купецъ, сидящій за прилавкомъ, по большей части охотно выбрали-бы для себя иное мѣстопребываніе; но, подъ вліяніемъ самолюбія, честолюбія, интереса, у нихъ создалось прочное влеченіе къ указаннымъ занятіямъ. Выработавшееся вниманіе стало второю натурою; задача искусства выполнена. Достаточно очутиться въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной средѣ, чтобы все остальное послѣдовало само собой; вниманіе вызывается не столько причинами, принадлежащими настоящей минутѣ, сколько накопленіемъ причинъ предшествовавшихъ. Двигателямъ первичнымъ сообщилась сила двигателей естественныхъ. Субъекты, не поддающіеся воспитанію и дрессировкѣ, никогда не достигаютъ этого третьяго періода; у нихъ произвольное вниманіе является рѣдко, урывками и не можетъ войти въ привычку.

Нѣтъ надобности подробно доказывать, что у животныхъ переходъ отъ вниманія непроизвольнаго къ произвольному происходитъ точно такъ-же подъ вліяніемъ воспитанія, дрессировки; но здѣсь воспитатель располагаетъ для воздѣйствія только ограниченнымъ числомъ простыхъ средствъ. Онъ дѣйствуетъ помощью устрашенія, лишенія пищи, насилія, кротости, ласки и такимъ образомъ достигаетъ того, что у животнаго являются привычки, и оно съ помощью искусственныхъ средствъ становится внимательнымъ. Между животными, точно такъ-же, какъ и между людьми, есть способныя къ воспитанію и строптивыя.

„Воспитатель обезьянъ, говоритъ Дарвинъ, покупавшій ихъ въ зоологическомъ обществѣ по пятидесяти рублей за экземпляръ, предлагалъ двойную плату за право удерживать обезьянъ втеченіе нѣсколькихъ дней у себя, чтобы сдѣлать изъ нихъ выборъ.

Когда его спросили, какимъ образомъ онъ узнаетъ въ такой короткій срокъ, будетъ-ли данная обезьяна хорошимъ актеромъ, онъ отвѣчалъ, что все зависитъ отъ способности ихъ ко вниманію. Если въ то время, когда говорятъ съ обезьяной или объясняютъ ей что либо, вниманіе ея легко развлекается мухой, сидящей на стѣнѣ, или какимъ нибудь другимъ пустякомъ, то такое животное вполнѣ безнадежно въ смыслѣ дрессировки. Когда пытались помощью наказанія заставить невнимательную обезьяну повиноваться, она становилась порывистою, между тѣмъ какъ, напротивъ.

внимательная обезьяна всегда оказывается способною къ дрессировкѣ“ *).

Резюмируя сказанное, мы видимъ, что нашли въ корнѣ вниманія лишь аффективныя состоянія, притягательныя или отталкивательныя стремленія. Для непроизвольной формы не существуетъ другихъ причинъ. Для формы произвольной причины тѣ-же, но чувства болѣе сложны, болѣе поздняго образованія, опытныя производныя отъ первоначальныхъ стремленій. Попробуйте въ то время, когда произвольное вниманіе находится еще въ періодѣ генезиса, пока оно еще не организовалось, не утвердилось подъ вліяніемъ привычки, отнять у ученика самолюбіе, соревнованіе, страхъ наказанія; попробуйте обогатить коммерсанта и рабочаго, дайте чиновнику пенсію съ первыхъ дней его карьеры, и все вниманіе ихъ къ непривлекательной работѣ исчезнетъ, потому что нѣтъ болѣе того, что̀ вызывало и поддерживало его. Я согласенъ, что этотъ генезисъ очень сложенъ, но онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если вѣрить большинству психологовъ, можно подумать, что произвольное вниманіе—единственно для нихъ существующее, хотя и представляющее форму производную и пріобрѣтенную—устанавливается сразу. „Оно подчиняется мною высшему авторитету. Я даю его или отнимаю по желанію, я направляю его поочередно на различныя точки, я сосредоточиваю его на одномъ пунктѣ такъ долго, какъ только можетъ продолжаться усиліе моей воли“ **). Если это описаніе не условно и не фантастично, если авторъ вывелъ его изъ собственнаго опыта, я могу только восхищаться имъ. Но, по правдѣ говоря, надобно быть лишеннымъ всякой наблюдательности или-же ослѣпленнымъ предразсудками, чтобы не видѣть, что произвольное вниманіе въ своей устойчивой формѣ есть состояніе, трудно сохраняемое, и что многимъ не удается достигнуть его.

Тѣмъ не менѣе, если, какъ мы старались это доказать, высшая форма вниманія есть дѣло воспитанія, полученнаго нами отъ нашихъ родителей, учителей, отъ окружающей насъ среды, дѣло того воспитанія, которое мы впослѣдствіи даемъ себѣ сами, по-

---

*) Дарвинъ. *Происхожденіе человѣка*, т. I.
**) *Dict. Scient. phil.*, 2-е изданіе, статья: «Attention».

дражая полученному нами отъ другихъ, то объясненіе это только отодвигаетъ дальше затрудненіе; вѣдь наши воспитатели ограничивались тѣмъ, что дѣйствовали на насъ, какъ раньше дѣйствовали на нихъ другіе, и т. д. изъ поколѣнія въ поколѣніе; слѣдовательно, это нисколько не объясняетъ намъ первоначальнаго генезиса произвольнаго вниманія.

Какимъ образомъ возникло оно? Оно возникло въ силу необходимости, подъ давленіемъ потребности и рядомъ съ успѣхами умственнаго развитія. *Это усовершенствованный аппаратъ, продуктъ цивилизаціи.* Тотъ-же прогрессъ, который заставилъ человѣка въ нравственномъ строѣ своемъ замѣнить господство инстинктовъ господствомъ интереса или долга; въ строѣ соціальномъ перейти отъ первобытной дикости въ состояніе организованнаго общества; въ строѣ политическомъ—отъ почти абсолютнаго индивидуализма къ образованію государства; тотъ же прогрессъ въ области умственнаго развитія заставилъ человѣка перейти отъ господства непроизвольнаго вниманія къ господству вниманія произвольнаго. Послѣднее служитъ одновременно слѣдствіемъ и причиною цивилизаціи.

Въ предыдущей главѣ мы замѣтили, что въ естественномъ состояніи, какъ для животнаго, такъ и для человѣка, возможность непроизвольнаго вниманія служитъ факторомъ первой важности въ борьбѣ за жизнь. Какъ только подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, выступившихъ впередъ, человѣкъ вышелъ изъ дикаго состоянія (недостатокъ дичи, скученность населенія, безплодность почвы, сосѣдство лучше вооруженныхъ племенъ) и явилась необходимость погибнуть или приспособиться къ болѣе сложнымъ условіямъ жизни, т. е. работать,—вниманіе произвольное стало въ свою очередь факторомъ первой важности въ этой новой формѣ борьбы за жизнь. Какъ только у человѣка явилась способность отдаться труду, по существу своему непривлекательному, но необходимому, какъ средство къ жизни, явилось на свѣтъ и вниманіе произвольное. Слѣдовательно, оно возникло подъ давленіемъ необходимости и воспитанія, даваемаго внѣшними предметами.

Легко доказать, что до возникновенія цивилизаціи произвольное вниманіе не существовало или появлялось на мгновеніе, какъ мимолетное сверканіе молніи. Лѣность дикарей извѣстна: это под-

тверждаютъ всѣ путешественники и этнологи; примѣры такъ многочисленны, что приводить ихъ нѣтъ надобности. Дикарь со страстью предается охотѣ, войнѣ, игрѣ, онъ страстный любитель всего непредвидѣннаго, неизвѣстнаго, случайнаго во всѣхъ возможныхъ формахъ; но постояннаго труда онъ не знаетъ или презираетъ его. Любовь къ труду есть чувство вторичнаго образованія, развивающееся параллельно съ цивилизаціей. Замѣтимъ, что трудъ составляетъ наиболѣе рѣзкую конкретную форму вниманія. Даже полуцивилизованныя племена чувствуютъ отвращеніе къ послѣдовательному труду. Дарвинъ спросилъ у Гаучей, преданныхъ пьянству, игрѣ и воровству, почему они не работаютъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: „Дни слишкомъ длинны“ *). „Жизнь первобытнаго человѣка, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, почти вся проходитъ въ преслѣдованіи звѣрей, птицъ и рыбъ, которое доставляетъ ему пріятное возбужденіе; для человѣка цивилизованнаго охота хотя и служитъ удовольствіемъ, но далеко не такимъ постояннымъ и распространеннымъ... Наоборотъ, очень слабо развитая у первобытнаго человѣка способность къ продолжительному, непрерывному вниманію сдѣлалась у насъ очень значительной. Правда, большинство людей трудится по необходимости, но среди общества существуютъ и такіе люди, для которыхъ активное занятіе составляетъ потребность настолько сильную, что они безпокоятся, когда имъ нечего дѣлать, и чувствуютъ себя несчастными, если случайно принуждены отказаться отъ труда; встрѣчаются люди, для которыхъ предметъ ихъ изслѣдованія настолько привлекателенъ, что они предаются ему втеченіе цѣлыхъ годовъ, почти не давая себѣ необходимаго для ихъ здоровья отдыха“.

Такъ какъ даже въ несложномъ бытѣ дикарей является всетаки иногда необходимость заняться скучной работой, чтобъ поддержать свое существованіе, то эта обязанность возлагается на долю женщинъ; опасаясь побоевъ, онѣ работаютъ, пока мужчины спятъ. Возможно допустить поэтому,—несмотря на кажущуюся парадоксальность такого взгляда,—что произвольное вниманіе появилось на свѣтъ черезъ посредство женщинъ.

Даже у народовъ, культура которыхъ насчитываетъ многія

---

*) *Voyage d'un naturaliste autour du globe*, стр. 167.

столѣтія, существуетъ категорія людей, неспособныхъ къ правильному труду; таковы бродяги, воры по профессіи, проститутки. Итальянскіе криминалисты новой школы вкривь и вкось принимаютъ ихъ за случаи атавизма. Громадное большинство цивилизованныхъ людей достаточнымъ образомъ примѣнилось къ требованіямъ общественной жизни; они въ извѣстной степени способны къ произвольному вниманію. Но весьма незначительно число такихъ, о которыхъ говоритъ Спенсеръ, что они чувствуютъ въ немъ потребность; очень рѣдки люди, исповѣдующіе и примѣняющіе на практикѣ Stantem oportet mori *). Произвольное вниманіе—явленіе соціологическое. Разсматривая его какъ таковое, мы лучше поймемъ его генезисъ и непрочность.

Намъ удалось, думаемъ мы, доказать, что произвольное вниманіе есть приспособленіе къ условіямъ высшей соціальной жизни, что это дисциплина, привычка, подражаніе естественному вниманію, служащему ему одновременно точкой опоры и точкой отправленія.

II.

До сихъ поръ въ механизмѣ вниманія мы разсматривали только то внѣшнее давленіе причинъ и среды, которое обусловливаетъ переходъ его изъ одной формы въ другую. Теперь мы приступаемъ къ вопросу гораздо болѣе темному, именно къ изученію внутренняго механизма, который усиленно поддерживаетъ извѣстное состояніе сознанія, несмотря на психологическую борьбу за существованіе, постоянно стремящуюся къ его уничтоженію. Этотъ относительный моноидеизмъ, состоящій въ господствѣ извѣстнаго числа внутреннихъ состояній, приспособленныхъ къ одной цѣли и исключающихъ всякія другія, не нуждается въ объясненіяхъ для вниманія непроизвольнаго. Одно какое нибудь состояніе (или группа состояній) преобладаетъ въ сознаніи, потому что оно много сильнѣе остальныхъ; а много сильнѣе оно потому, что, какъ мы уже говорили, всѣ стремленія индивидуума дѣйствуютъ сооб-

*) Нужно умереть на ногахъ.

*

ща въ его пользу. Въ произвольномъ вниманіи, особенно въ наиболѣе искусственныхъ его формахъ, замѣчается противуположное. Какимъ-же механизмомъ удерживается это состояніе?

Нѣтъ надобности разыскивать, какимъ образомъ вызывается произвольное вниманіе въ текущей жизни. Оно возникаетъ по требованію обстоятельствъ, какъ и всякое другое состояніе сознанія; отличіе его отъ послѣдняго заключается въ томъ, что оно можетъ быть удержано. Если ученикъ, не интересующійся математикой, вспоминаетъ, что ему надобно рѣшить задачу, то это извѣстное состояніе сознанія; если-же онъ садится за работу и продолжаетъ ее—здѣсь является состояніе произвольнаго вниманія. Чтобы устранить всякія недоразумѣнія, я повторяю: вся задача заключается въ этой возможности задержки.

Какимъ образомъ можемъ мы произвести задержку? Здѣсь мы приступаемъ къ вопросу, весьма мало обработанному въ физіологіи и почти неизслѣдованному въ психологіи. Опытъ на каждомъ шагу показываетъ намъ, что во многихъ случаяхъ въ нашей власти остановить движеніе различныхъ частей нашего тѣла. Но какъ происходитъ соотвѣтствующій процессъ этой пріостановки въ области духовной? Если бы механизмъ задержки былъ лучше изученъ въ физіологіи, мы, вѣроятно, могли бы дать менѣе туманный отвѣтъ. И такъ, просимъ читателя смотрѣть на послѣдующія разсужденія, какъ на опытъ, исполненный пробѣловъ.

Основное свойство нервной системы состоитъ въ переходѣ первичнаго возбужденія въ движеніе. Это актъ рефлективный, типичная форма нервной дѣятельности. Но извѣстно также, что нѣкоторыя возбужденія могутъ помѣшать движенію, замедлить или уничтожить его. Наиболѣе извѣстный случай состоитъ въ пріостановкѣ движеній сердца вслѣдствіе раздраженія блуждающаго нерва. Со времени этого открытія, сдѣланнаго братьями Веберъ въ 1845 году, физіологи съ большимъ рвеніемъ изучали случаи, гдѣ раздраженіе какого нибудь нерва препятствуетъ данному движенію или выдѣленію. Пфлюгеръ показалъ, что симпатическій нервъ (nervus Splanchnicus) оказываетъ задерживающее дѣйствіе на тонкіе кишки. Съ тѣхъ поръ было установлено, что движенія желудка и всего кишечнаго канала подчинены задерживающему дѣйствію. Къ той-же причинѣ относитъ Клодъ-Бернаръ и дѣйствіе сосудо-

двигательныхъ нервовъ. Наконецъ эта задерживательная способность принадлежитъ не только спинному и продолговатому мозгу; она присуща и головному мозгу. Сѣченовъ утверждаетъ, что средній мозгъ (зрительный слой) имѣетъ задерживающее вліяніе на нижнія части спинного хребта. Въ послѣднее время многіе авторы приписываютъ явленіе гипноза задерживающему дѣйствію, исходящему отъ корковаго вещества. Наконецъ, по мнѣнію Броунъ-Секара, задерживающее дѣйствіе есть „сила, которою обладаютъ почти всѣ части центральной нервной системы и значительная часть периферической“.

Для объясненія этого „отрицательнаго рефлекса“ были придуманы различныя теоріи, которыя излишне излагать *). Замѣтимъ впрочемъ, что Ферье первый въ своихъ *Fonctions du cerveau* относилъ вниманіе къ дѣятельности умѣряющихъ центровъ, которые онъ помѣщаетъ въ лобныхъ доляхъ. Возникновеніе идей, говоритъ онъ, зависитъ отъ возбужденія двигательнаго элемента, входящаго въ ея составъ; вниманіе зависитъ отъ ограниченія движенія; является задержка внѣшняго разсѣянія и усиленіе внутренняго. Возбужденіе двигательныхъ центровъ, защищенное противъ разсѣянія во внѣ, тратитъ свою силу на внутреннюю работу; здѣсь является подавленное возбужденіе двигательнаго центра. Вотъ главные доводы, приводимые имъ въ пользу локализаціи умѣряющихъ центровъ въ лобныхъ доляхъ: умственное развитіе пропорціонально вниманію; оно пропорціонально также и развитію лобныхъ долей. Раздраженіе этихъ долей не вызываетъ никакихъ двигательныхъ проявленій; слѣдовательно, это центры умѣряющіе, которые тратятъ свою энергію на измѣненія, производимыя въ двигательныхъ центрахъ, дѣйствующихъ въ данномъ случаѣ. Отнятіе ихъ не парализуетъ двигательную способность, но производитъ пониженіе умственныхъ способностей, сводящееся въ потерѣ вниманія. Лобныя доли недоразвиты у идіотовъ, у которыхъ очень слаба способность ко вниманію. Область лба постепенно уменьшается у животныхъ по мѣрѣ того, какъ понижается уровень ихъ интеллекта. Прибавимъ, что

---

*) Для исторіи этого вопроса до 1879 г. см. Hermann, *Handbuch der Physiologie*, т. I, часть 2, стр. 33 и слѣд. Для новѣйшихъ теорій—S. Lourie: *I fatti e le teoria della inibizione*, in—8, Milano, 1888.

повреждeніе лобныхъ долей сильно ослабляетъ, а иногда и уничтожаетъ контролирующую способность *). Впрочемъ авторъ заявляетъ, что „относительно физiологическаго основанія этой контролирующей способности можно допустить только теоретическіе взгляды“.

Хотя теорія, утверждающая, что для задерживательныхъ явленій существуютъ отдѣльные аппараты, сдѣлалась почти классической, но въ послѣднее время нѣсколько авторовъ, опираясь на свои опыты, утверждали, что „какъ двигательныя, такъ и задерживательныя явленія происходятъ въ однихъ и тѣхъ же элементахъ“ **). „Всякій разъ, когда раздражаютъ какой-нибудь нервъ, говоритъ Бони, въ этомъ нервѣ происходятъ двоякаго рода измѣненія въ противоположныхъ направленіяхъ. Возьмемъ двигательный нервъ: дѣятельность его выразится сотрясеніемъ мускула; но кромѣ этого явленія, наиболѣе очевиднаго и лучше всего изслѣдованнаго. возникаетъ также противоположное состояніе, стремящееся затормозить движеніе или не дать ему осуществиться. Въ этомъ нервѣ произойдутъ *одновременно*: актъ двигательный и актъ задерживательный“ (поименованное сочиненіе, 97). Двигательный процессъ наступаетъ быстрѣе задерживательнаго и длится не столь долго. Первое возбужденіе производитъ максимальное сотрясеніе, но при вторичномъ возбужденіи наступаетъ задержка, уменьшающая силу движенія. Въ одномъ изъ опытовъ Вундта, при раздраженіи даннаго нерва помощью непрерывнаго тока, является на анодѣ задерживательная волна, которая распознается по уменьшенію раздражаемости нерва, и медленно распространяется по обѣ стороны анода; въ то-же время на катодѣ образуется волна возбужденія, распространяющаяся по обѣ

---

*) Что касается фактовъ, мы укажемъ читателю на нашу работу «*Болѣзни воли*», стр. 30 и слѣд. Позднѣе американскій неврологъ, А. Старръ, наблюдая 23 случая поврежденія лобныхъ долей, нашелъ у половины больныхъ слѣдующія умственныя разстройства: потерю контролирующей способности, перемѣну характера, невозможность сосредочить вниманіе (*Brain*. Janvier 1886, стр. 570).

**) Wundt, *Untersuchungen zur Mechanik der Nerven und Nervencentren*, 1871, 1876 и *Psychologie Physiologique*, t. I, ch. IV. Baunis, *Recherches experimentales sur les conditions de l'activité cérebrale et sur la physiologie du nerf*. Paris. 1884. Бони болѣе другихъ физіологовъ настаивалъ на важности задерживательныхъ актовъ для психологіи.

стороны катода съ большою быстротой и интенсивностью. Такимъ образомъ при возбужденіи по нерву въ одно и то-же время проходитъ задерживательная волна и волна возбужденія, и возбуждаемость его есть не что иное, какъ равнодѣйствующая этихъ двухъ противоположныхъ силъ.

На основаніи этой гипотезы всякое возбужденіе вызываетъ слѣдовательно въ нервномъ веществѣ два измѣненія: одно положительное, другое отрицательное; съ одной стороны стремленіе къ дѣятельности, съ другой—стремленіе задержать эту дѣятельность; окончательный результатъ есть только итогъ этихъ дѣйствій. Такимъ образомъ преобладаніе является то на сторонѣ импульса, то на сторонѣ задержки.

Мы привели вкратцѣ почти все, чему учитъ насъ физіологія въ отношеніи къ механизму задержекъ; этимъ намъ придется воспользоваться впослѣдствіи. Теперь возвратимся къ изученію психологическому.

Произвольная задерживающая способность, каковъ бы ни былъ ея способъ дѣйствія, есть образованіе вторичное; оно появляется относительно поздно, какъ и всѣ проявленія высшаго порядка. Хотѣніе въ своей положительной, импульсивной формѣ, хотѣніе, что либо производящее, является первымъ въ хронологическомъ порядкѣ. Хотѣніе въ отрицательной формѣ, препятствующее чему-либо, является позже, по Прейеру *), на десятомъ мѣсяцѣ, подъ очень скромной формой задержки естественныхъ испражненій.

Но какимъ образомъ нами производится задержка? На этотъ вопросъ мы не въ состояніи отвѣтить удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе надобно замѣтить, что въ этомъ отношеніи мы находимся въ точно такомъ-же положеніи и касательно противуположнаго вопроса: какимъ образомъ производимъ мы движеніе?

Въ хотѣніи положительномъ вслѣдъ за „я хочу“ является обыкновенно движеніе; это значитъ, что сначала возникаетъ въ мозгу дѣятельность двигательныхъ образовъ или приспособленныхъ двигательныхъ слѣдовъ, передача нервнаго возбужденія черезъ лучистый вѣнецъ полосатымъ тѣламъ, нижнему слою ножки

*) *L'Ame de l'enfant*, стр. 190—191.

большого мозга, продолговатому мозгу, затѣмъ послѣ перекрещиванія спинному мозгу, нервамъ и наконецъ мускуламъ. Въ хотѣніи отрицательномъ за „я хочу“ слѣдуетъ обыкновенно задержка: здѣсь анатомическія и физіологическія условія передачи не такъ хорошо извѣстны; по гипотезѣ, изложенной выше, они нисколько не должны отличаться отъ предыдущаго случая. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сознанію непосредственно доступны только два момента: отправной и конечный, т. е. „я хочу“ и актъ совершенный или задержанный. Всѣ промежуточныя состоянія ускользаютъ отъ него; оно усваиваетъ ихъ только путемъ изученія и косвенно. И такъ, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній мы должны ограничиться установленіемъ факта, что точно такъ-же, какъ въ нашей власти начать, продолжать и усилить движеніе, въ нашей-же власти сократить, прекратить или ослабить его.

Эти общія замѣчанія приводятъ къ одному по крайней мѣрѣ положительному результату, а именно, что всякое хотѣніе, будь это импульсъ или задержка, *дѣйствуетъ только на мускулы и черезъ мускулы*, что всякое другое толкованіе неопредѣленно, неуловимо, химерично; что слѣдовательно. если механизмъ вниманія двигательный, какъ мы утверждаемъ, то необходимо, чтобы во всѣхъ случаяхъ вниманія участвовали мускульные элементы, дѣйствительныя движенія или-же движенія въ зародышномъ состояніи, на которыя дѣйствуетъ задерживающая сила. Мы имѣемъ власть (импульсивную или останавливающую) только надъ мускулами произвольными; это единственное понятіе наше о волѣ. Такимъ образомъ изъ двухъ вещей нужно выбрать одну: или найти мускульные элементы во всѣхъ проявленіяхъ произвольнаго вниманія, или-же отказаться отъ всякаго объясненія его механизма и ограничиться только признаніемъ его существованія.

Вниманіе останавливается произвольно на воспріятіяхъ, образахъ и идеяхъ; или, выражаясь болѣе точно и избѣгая всякихъ метафоръ, состояніе моноидеизма можетъ быть произвольно удержано на группѣ представленій, образовъ или идей, приспособленныхъ къ заранѣе намѣченной цѣли. Намъ необходимо опредѣлить тѣ двигательные элементы, которые встрѣчаются въ этихъ трехъ случаяхъ.

1. Въ отношеніи воспріятій затрудненій не представляется. Всѣ наши воспринимающіе органы въ одно и то-же время чувствительные и двигательные. Для того, чтобы мы могли воспринимать нашими глазами, ушами, руками, ногами, языкомъ, ноздрями, необходимы движенія. Чѣмъ болѣе подвижны части нашего тѣла, тѣмъ болѣе совершенна ихъ чувствительность. Чѣмъ беднѣе подвижность ихъ, тѣмъ тупѣе чувствительность. Но это не все; безъ двигательныхъ элементовъ воспріятіе невозможно. Припомнимъ сказанное раньше, что, если мы уставимъ нашъ взглядъ неподвижно на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, то въ скоромъ времени воспріятіе становится туманнымъ и затѣмъ исчезаетъ. Приложите, не надавливая, нижнюю поверхность пальца къ столу, и черезъ нѣсколько минутъ вы не будете чувствовать прикосновенія. Движеніе глаза или пальца воскрешаетъ воспріятіе. Сознаніе возможно только черезъ измѣненіе, измѣненіе возможно только черезъ движеніе. Можно-бы многое сказать по этому поводу, потому что хотя факты вполнѣ очевидны и подтверждаются повседневнымъ опытомъ, но психологія до такой степени пренебрегала ролью движеній, что въ концѣ концовъ забываешь, что они составляютъ коренное условіе сознанія, ибо служатъ орудіемъ основного его закона—относительности и измѣняемости. Сказаннаго нами въ оправданіе формулы: „нѣтъ движеній, нѣтъ и воспріятій",—совершенно достаточно.

Роль движеній въ чувствительномъ вниманіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Часовщикъ, тщательно изучающій механизмъ часовъ, приспособляетъ свои глаза, руки, тѣло; всѣ остальныя движенія задержаны. Въ лабораторныхъ опытахъ, устроенныхъ для изученія произвольнаго вниманія, это сосредоточеніе помощью задержки движеній достигаетъ часто необыкновенной степени; дальше мы поговоримъ объ этомъ. Припомнимъ приведенныя нами раньше наблюденія Гальтона надъ движеніями въ утомленной аудиторіи.—Вниманіе означаетъ слѣдовательно сосредоточеніе и задержку движеній, разсѣянность — развитіе движеній.

Произвольное вниманіе можетъ также дѣйствовать на проявленіе эмоцій, если у насъ есть серьезныя причины не выражать наружно своего чувства и достаточная задерживающая способ-

ность, чтобы не дать ему проявиться; но оно дѣйствуетъ только на мускулы и ни на что болѣе; все остальное ускользаетъ отъ него.

До сихъ поръ мы касались только самой легкой стороны вопроса. Мы подошли теперь къ той чисто-внутренней формѣ, которая называется размышленіемъ. Содержаніе его составляютъ образы и идеи. И такъ, намъ предстоитъ отыскать двигательные элементы въ этихъ двухъ группахъ психическихъ состояній.

2. „Съ перваго взгляда не представляется очевиднымъ, писалъ Бэнъ уже въ 1855 г., что запечатлѣніе идеи (образа) въ умѣ есть дѣло мускуловъ, подчиненныхъ волѣ. Какія движенія происходятъ, когда я представляю себѣ окружность или думаю о церкви святого Павла? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно, только предполагая, что мысленный образъ занимаетъ въ мозгу и другихъ частяхъ нервной системы то же мѣсто, что и первоначальное ощущеніе. Такъ-какъ въ нашихъ ощущеніяхъ, особенно-же въ ощущеніяхъ высшаго порядка, осязаніи, зрѣніи, слухѣ, существуетъ извѣстный мускульный элементъ, то этотъ элементъ долженъ такъ или иначе найти свое мѣсто въ ощущеніи идеальномъ—въ воспоминаніи“. Съ этого времени вопросъ о природѣ образовъ тщательно и успѣшно изучался и былъ рѣшенъ въ томъже смыслѣ *). Между тѣмъ какъ для большинства прежнихъ психологовъ образъ былъ какимъ-то призракомъ безъ опредѣленной локализаціи, существующимъ „въ душѣ“, отличающимся отъ представленія не по степени, но по природѣ, похожимъ на послѣднее „не болѣе, какъ портретъ сходенъ съ оригиналомъ“, для психологіи физіологической между представленіемъ и образомъ существуетъ тожество природы, тожество локализаціи и только разница въ степени. Образъ—это не фотографія, но оживаніе чувствительныхъ и двигательныхъ элементовъ, составившихъ представленіе. По мѣрѣ того какъ возрастаетъ его интенсивность, онъ приближается къ своей отправной точкѣ и стремится перейти въ галлюцинацію.

---

*) См. Taine, *De l'intelligence*, liv. II;—Galton, *Inquiry in to human faculty* etc., стр. 83—114; Charcot, *Leçons sur les maladies du système nerveux*, т. III; Binet, *Psychologie du raisonnement*, гл. II;—Ballet, *Le Langage interieur et les diverses formes de l'aphasie*.

Чтобы не удаляться отъ двигательныхъ элементовъ образа, исключительно насъ интересующихъ, замѣтимъ слѣдующее: такъ-какъ нѣтъ воспріятій безъ движеній, то очевидно эти послѣднія, однажды возникнувъ, оставляютъ въ мозгу двигательные слѣды (двигательные образы, двигательныя интуиціи), точно такъ-же какъ впечатлѣнія ретины или впечатлѣнія кожи оставляютъ чувствительные слѣды. Если-бы двигательный аппаратъ не имѣлъ своей памяти, своихъ образовъ или слѣдовъ, ни одно движеніе не могло-бы быть заучено, сдѣлаться привычнымъ; все пришлось-бы начинать съизнова. Нѣтъ надобности впрочемъ прибѣгать къ разсужденіямъ. Тысяча опытовъ подтверждаютъ, что движеніе присуще образу, содержится въ немъ. Знаменитый опытъ съ маятникомъ Шевреля можетъ считаться типичнымъ. Нужно-ли приводить другіе? Возьмемъ для примѣра людей, бросающихся въ пропасть изъ страха упасть въ нее, ранящихъ себя бритвой изъ опасенія пораниться; возьмемъ „чтеніе мыслей", которое есть не что иное, какъ „чтеніе" мускульныхъ состояній, и массу другихъ фактовъ, прослывшихъ необычайными только потому, что публикѣ неизвѣстенъ элементарный фактъ, что всякій образъ содержитъ стремленіе къ движенію. Конечно двигательный элементъ не всегда принимаетъ такіе громадные размѣры, но онъ по крайней мѣрѣ существуетъ въ зародышномъ состояніи точно такъ-же, какъ и чувствительный образъ по живости не всегда подходитъ къ галлюцинаціи, но просто начертанъ въ сознаніи.

3. Если легко установить существованіе двигательныхъ элементовъ въ образахъ, то вопросъ объ общихъ идеяхъ или понятіяхъ много труднѣе. Необходимо признаться, что физіологическая психологія слишкомъ пренебрегала идеологіей, которой ей слѣдовало-бы заняться, пользуясь современными опытными данными: изученіе воспріятій и образовъ приготовило къ этому путь. Я не намѣренъ вводить сюда эпизодически разборъ этого крупнаго вопроса и предлагаю только распредѣлить общія идеи на три большія категоріи, чтобы удобнѣе было оріентироваться.

Идеи, происходящія отъ сліянія *сходныхъ* образовъ безъ помощи слова.

Идеи, происходящія отъ сліянія *несходныхъ* образовъ съ помощью слова.

Идеи, сводящіяся къ слову, сопровождаемому туманной схемой, или даже лишенныя соприсутствующаго впечатлѣнія.

Я оставляю въ сторонѣ регулирующія понятія (время, пространство, причина), изученіе которыхъ завело-бы насъ слишкомъ далеко. Посмотримъ, заключаетъ-ли въ себѣ каждая изъ этихъ категорій двигательные элементы, на которые можетъ дѣйствовать вниманіе?

a) Первая категорія заключаетъ въ себѣ общія идеи самаго грубаго свойства, — тѣ, которыя встрѣчаются у высшихъ животныхъ, у дѣтей и у глухонѣмыхъ до употребленія членораздѣльной рѣчи. Операція ума ограничивается схватываніемъ весьма выдающихся сходныхъ признаковъ и составленіемъ такимъ путемъ *генерическихъ образовъ*—терминъ болѣе точный, нежели выраженіе: общія идеи. Эта операція повидимому очень аналогична извѣстному пріему, помощью котораго Гальтонъ, налагая одну на другую нѣсколько фотографій, получаетъ сложный портретъ даннаго семейства. Другими словами, она состоитъ въ накопленіи сходныхъ признаковъ и удаленіи незначительныхъ отличій. Но говорить, что этотъ пріемъ объясняетъ образованіе общихъ идей, значитъ защищать ничѣмъ не оправдываемый тезисъ; онъ служитъ лишь для объясненія низшей ступени этого образованія и имѣетъ значеніе только для грубыхъ формъ сходства.—Заключаютъ-ли въ себѣ эти генерическіе образы двигательный элементъ? Высказываться категорически по этому поводу трудно и во всякомъ случаѣ безполезно, такъ какъ не на этой стадіи умственной жизни имѣетъ мѣсто произвольное размышленіе.

b) Вторая категорія заключаетъ въ себѣ большую часть общихъ идей, служащихъ для постояннаго обихода мысли. При всестороннемъ изученіи предмета слѣдовало бы установить восходящую іерархію группъ, идя отъ менѣе общаго къ болѣе общему, т. е. отмѣчая способность схватывать все болѣе и болѣе слабыя сходства, менѣе и менѣе многочисленныя аналогіи. Всѣ ступени этого восходящаго движенія встрѣчаются въ исторіи человѣчества. Обитатели Огненной Земли не имѣютъ вовсе абстрактныхъ терминовъ. У индѣйцевъ Америки есть различные термины для дуба бѣлаго и чернаго, но нѣтъ никакого для дуба вообще. У жителей Тасманіи существуютъ отдѣльные термины для каждаго вида де-

ревьевъ, но нѣтъ термина вообще для дерева, тѣмъ менѣе для растенія, животнаго, цвѣта и т. д.*). Не останавливаясь на этихъ различныхъ фазисахъ, отвѣтимъ на вопросъ, что имѣется въ нашемъ умѣ, когда мы думаемъ этими общими идеями? Во-первыхъ, слово, составляющее постоянный элементъ; вмѣстѣ съ нимъ образъ менѣе и менѣе сложный, менѣе и менѣе ясный по мѣрѣ восхожденія въ область обобщеній. Этотъ образъ есть *отвлеченіе*. Онъ составляется тѣмъ-же пріемомъ, которымъ пользуется умъ для того даже, чтобы представить себѣ индивидуальный образъ. Мое представленіе о Петрѣ, о Павлѣ, о моей собакѣ, о всякомъ конкретномъ предметѣ, въ совершенствѣ мнѣ извѣстномъ, можетъ быть только отвлеченіемъ изъ многочисленныхъ воспріятій, полученныхъ мною отъ него и представившихъ мнѣ его въ различныхъ видахъ. Въ представленіи индивидуальнаго образа между предшествовавшими образами даннаго предмета происходитъ борьба за господство въ сознаніи. Въ зарожденіи общей идеи борьба за господство въ сознаніи происходитъ между различными генерическими образами. Это отвлеченіе второго и третьяго порядка. Такимъ образомъ возникаетъ ядро, вокругъ котораго колеблются неопредѣленные и туманные элементы. Мое общее представленіе о человѣкѣ или собакѣ, пребывая болѣе или менѣе долго въ сознаніи, стремится облечься въ конкретную форму; оно принимаетъ образъ европейца или негра, болонки или бульдога. Двигательный элементъ заключается главнымъ образомъ въ словѣ (мы еще вернемся къ этому впослѣдствіи). Что-же касается образа или отвлеченій изъ образовъ, присоединенныхъ къ слову, то очень трудно сказать, что остается въ нихъ изъ движеній, заключающихся въ первоначальныхъ воспріятіяхъ.

c) Въ предыдущей категоріи, по мѣрѣ того какъ идеи становятся болѣе общими, роль образовъ постепенно стушевывается, слово мало-по-малу беретъ перевѣсъ до тѣхъ поръ, пока одно только оно и остается. Такимъ образомъ получается слѣдующій прогрессивный рядъ: генерическіе образы безъ слова, генерическіе образы со словомъ, слово безъ образовъ. На этой послѣдней

*) Леббокъ, «*Начало цивилизаціи*», гл. IX. Тейлоръ, «*Первобытная культура*», т. I гл. VII.

ступени мы встрѣчаемся съ чисто научными понятіями. Существуетъ-ли исключительно только слово въ этомъ высшемъ періодѣ абстракціи? Я утверждаю это безъ всякихъ колебаній. Мнѣ неудобно вдаваться въ подробности, которыя отвлекли-бы меня отъ моей темы; я ограничусь замѣчаніемъ, что если въ настоящее время въ словѣ не заключается ничего, то въ немъ есть, въ немъ должно быть потенціальное знаніе, возможность познанія. „Въ современномъ мышленіи, — говоритъ Лейбницъ, — мы имѣемъ обыкновеніе опускать объясненіе значенія употребляемыхъ нами знаковъ, зная или предполагая, что объясненіе это въ нашей власти, но не считая въ настоящее время такое примѣненіе или объясненіе словъ необходимымъ... Этотъ способъ разсужденія я называю слѣпымъ или символическимъ. Мы употребляемъ его въ алгебрѣ, въ ариѳметикѣ и, говоря по правдѣ, вездѣ вообще“. При обученіи дѣтей, и еще лучше дикихъ, счисленію хорошо видно, какимъ образомъ слово, въ началѣ нераздѣльное съ предметами, затѣмъ съ образами, прогрессивно отдѣляется отъ нихъ для самостоятельной жизни. Въ концѣ концовъ оно становится похоже на условную монету (каковы банковые билеты, чеки и т. д.), представляя ту-же полезность и ту-же опасность. Здѣсь двигательный элементъ можетъ заключаться только въ словѣ. Новѣйшія изслѣдованія, о которыхъ упоминалось выше, доказали, что слово существуетъ не въ одинаковой формѣ у всѣхъ людей. Для однихъ оно состоитъ главнымъ образомъ изъ моментовъ выговариванія. Штрикеръ въ своей книгѣ *о рѣчи и музыкѣ*, основываясь на личномъ опытѣ, описалъ законченный типъ подобныхъ субъектовъ; это типъ двигательный по преимуществу. Для другихъ слово состоитъ главнымъ образомъ изъ слуховыхъ образовъ; это внутренняя рѣчь, очень хорошо описанная В. Эггеромъ. Третьи, гораздо рѣже встрѣчающіеся, думаютъ словами читаемыми или написанными*). Это зрительный типъ. У большинства людей всѣ эти элементы дѣйствуютъ въ неодинаковыхъ дозахъ. Но всегда и вездѣ, какъ слово, произнесенное вслухъ, такъ и знакъ чисто внутренній опирается на какую-либо форму первоначальнаго вос-

---

*) Любопытный случай этого явленія былъ сообщенъ въ *Revue philosophique* (Janvier 1885, p. 119). См. также Ballet, поименованное сочиненіе, гл. III.

пріятія, а слѣдовательно заключаетъ въ себѣ двигательные элементы. Нѣтъ сомнѣнія, что двигательные элементы, заключенные въ общихъ идеяхъ любой категоріи, часто бываютъ очень слабы. Это согласуется и съ выяснившимся на опытѣ фактомъ, что абстрактное мышленіе невозможно для многихъ и затруднительно и утомительно почти для всѣхъ.

Мы останавливались такъ долго на этой части нашей темы, потому что она наименѣе изслѣдована, наиболѣе трудна и болѣе всего подвержена критикѣ *).

---

*) Мы сказали, что изученіе большого числа случаевъ, какъ нормальныхъ, такъ и болѣзненныхъ, привело къ признанію нѣсколькихъ типовъ: двигательнаго, слухового и зрительнаго, смотря по группѣ образовъ, преобладающей у каждаго отдѣльнаго индивида (оставляя безъ вниманія типъ обыкновенный или безразличный). Тотъ, кто думаетъ, выговаривая слова, но не слыша ихъ (Stricker), тотъ, кто думаетъ, слыша слова, но не выговаривая ихъ (V. Egger), тотъ наконецъ, кто думаетъ, видя слова написанными, но не слыша и не выговаривая ихъ, представляютъ собой типы коренные, несоизмѣримые. Это сразу отрѣзываетъ всякую возможность спора. Каждый правъ по отношенію къ себѣ самому и къ себѣ подобнымъ; онъ неправъ, если обобщаетъ безъ ограниченій.—Желательно, чтобы работа, сдѣланная по отношенію къ образамъ и различнымъ формамъ рѣчи, была предпринята и для общихъ идей. Возможно, что и тамъ нашлись бы коренные типы. Такъ напримѣръ, мнѣ кажется, что у Бёркли общія идеи носятъ зрительную форму. Тотъ, кто со вниманіемъ прочтетъ нѣкоторые отрывки изъ знаменитаго трактата о природѣ человѣка (слишкомъ длинные, чтобы переводить ихъ здѣсь), кто примется изучать ихъ не какъ теорію общихъ идей, но какъ документъ и психологическую исповѣдь, тотъ придетъ къ заключенію, что общая идея была для него видѣніемъ. «Идея о человѣкѣ,—говоритъ онъ,—которую я въ состояніи сфабриковать себѣ, должна быть идеей о человѣкѣ бѣломъ, черномъ или смугломъ, прямомъ, сгорбленномъ, большомъ, маленькомъ или средняго роста. Никакое усиліе мысли не даетъ мнѣ возможности усвоить себѣ вышеописанную абстрактную идею (т. е. идею о цвѣтѣ—не красномъ, не синемъ, не зеленомъ и т. д., но все-таки цвѣтѣ»).—Съ другой стороны, мнѣ кажется, что у номиналистовъ общія идеи имѣютъ форму чисто-слуховую Знаменитая теорія, сдѣлавшая изъ универсаловъ чистые «flatus vocis» (Роселинъ, Гоббсъ и т. д.), допускаетъ, по моему, два толкованія. Понимаемая буквально, она представляетъ безсмыслицу. Чистый «flatus vocis»—это слово, принадлежащее языку вполнѣ неизвѣстному, которое вслѣдствіе этого не ассоціируется ни съ какой идеей и остается лишь звукомъ или шумомъ. Мало вѣроятія, чтобы разумные мыслители защищали этотъ тезисъ въ той формѣ, какую имъ обыкновенно приписываютъ. Я предлагаю другое толкованіе. Номиналисты суть умы сухіе, алгебраическіе, довольствующіеся однимъ только словомъ, не пробуждающимъ никакого образа. Для нихъ не существуетъ иного представленія, кромѣ звука. Мы очень удалились отъ Бёркли —Штрикеръ, который не можетъ подумать ни одного слова, не выговоривъ его, типъ чистодвигательный, до нельзя далекій отъ слухового, говоритъ намъ: «Я долженъ связать что-нибудь съ каждымъ словомъ, чтобы оно не являлось для меня мертвымъ терминомъ, какъ слово изъ языка, мнѣ незнакомаго. Когда въ различныхъ случаяхъ жизни мнѣ приходятъ на умъ слова вродѣ безсмертіе,

Но многіе читатели скажутъ намъ: мы допускаемъ, что существуютъ двигательные элементы въ воспріятіяхъ, въ образахъ и въ меньшей степени въ понятіяхъ; но это еще не доказываетъ, что вниманіе дѣйствуетъ на нихъ и черезъ нихъ, что оно представляетъ двигательный механизмъ. Безъ сомнѣнія, относительно этого пункта нѣтъ ни одного рѣшающаго наблюденія или опыта. Убѣдительный опытъ состоялъ-бы въ попыткѣ увѣриться, будетъ-ли еще способенъ ко вниманію человѣкъ, лишенный двигательной способности, какъ внѣшней, такъ и внутренней, и только этой способности. Этотъ опытъ неосуществимъ. Въ болѣзненныхъ случаяхъ, которые мы будемъ изучать позже, нѣтъ ничего подходящаго. Замѣтимъ однако мимоходомъ, что невозможно размышлять, когда бѣжишь со всѣхъ ногъ, даже и тогда, когда это дѣлается безъ всякаго другого мотива, какъ только изъ желанія бѣжать; при крутомъ подъемѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ никакой опасности, не любуются видомъ. Масса опытовъ доказываетъ существованіе антагонизма между большою тратою движеній и вниманіемъ. Правда, нѣкоторые размышляютъ, ходя большими шагами и жестикулируя, но въ этихъ случаяхъ происходитъ скорѣе процессъ изобрѣтеній, нежели сосредоточеніе, и избытокъ нервной силы разряжается различными путями. Въ концѣ концовъ очевидно, что вниманіе есть задержка, причемъ эта задержка можетъ производиться только помощью физіологическаго механизма, препятствующаго расходу реальныхъ движеній въ чувствительномъ вниманіи — движеній потенціальныхъ (à l'état naissant)—въ размышленіи: ибо произведенное движеніе—это возстановленіе во внѣ, это уничтоженіе состоянія сознанія, такъ какъ производящая его нервная сила преобразуется въ двигательный элементъ. „Мысль, — говоритъ Сѣченовъ, —

добродѣтель, я объясняю ихъ себѣ не словами, а зрительными образами. При словѣ «добродѣтель» я думаю о какомъ-нибудь женскомъ лицѣ; при словѣ «храбрость»—о вооруженномъ мужчинѣ и т. д.». (Вышеназванное сочиненіе, стр. 80—81.)—Это представленіе абстрактныхъ и общихъ идей можетъ назваться антиподомъ номинализма. Въ медицинѣ говорятъ, что нѣтъ болѣзней, но есть больные; точно такъ-же нѣтъ общихъ идей, но есть умы, различно думающіе. Вмѣсто пріема философскаго, т.-е. стремленія привести все къ единству, пора вооружиться пріемомъ психологическимъ, т.-е. опредѣлить главнѣйшіе типы. Тогда безъ сомнѣнія многіе споры прекратились-бы сами собой. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что за эту работу стоитъ взяться.

есть рефлексъ, сокращенный до двухъ первыхъ своихъ третей". Бэнъ, выражаясь съ бо̀льшимъ изяществомъ, замѣчаетъ: „Думать — значитъ воздерживаться отъ слова или дѣйствія".

Въ заключеніе разсмотримъ, что̀ нужно понимать подъ ходячимъ выраженіемъ: „произвольно направить свое вниманіе", и что̀ происходитъ въ такомъ случаѣ.

„То, что̀ происходитъ въ этомъ случаѣ, — говоритъ Маудсли, — есть не что иное, какъ возбужденіе извѣстныхъ нервныхъ токовъ, служащихъ для составленія идей, и сохраненіе ихъ дѣятельности до тѣхъ поръ, пока они, лучеиспуская свою энергію, не доведутъ до сознанія всѣ идеи, связанныя ассоціаціей, или по крайней мѣрѣ возможно большее число идей, способныхъ къ дѣятельности при данномъ состояніи мозга. Итакъ, повидимому сила, называемая нами вниманіемъ, есть скорѣе винтъ a fronte, притягивающій сознаніе, нежели винтъ a tergo, толкающій его. Сознаніе есть слѣдствіе, а не причина возбужденія. Модный психологическій языкъ переворачиваетъ это положеніе и, говоря вульгарно, ставитъ плугъ впереди воловъ; потому что при размышленіи требуется не направить сознаніе или вниманіе на данную идею, какъ обыкновенно полагаютъ, но, наоборотъ, сообщить идеѣ интенсивность, достаточную для того, чтобы она могла подчинить себѣ сознаніе" *).

Остается однако еще неясный пунктъ. Если мы допустимъ, что механизмъ вниманія двигательный, и что для произвольнаго вниманія онъ состоитъ главнымъ образомъ въ задерживающемъ актѣ, то слѣдуетъ задаться вопросомъ, какимъ образомъ происходитъ эта задержка и на что она дѣйствуетъ. Это такой темный вопросъ, что приходится довольствоваться почти одной его постановкой; но лучше попытаться найти отвѣтъ, хотя бы и гадательный, чѣмъ отступать передъ трудностью.

Быть можетъ, не безполезно будетъ поискать разъясненій въ порядкѣ явленій аналогичныхъ, но болѣе простыхъ.

Рефлективныя движенія, — будь это рефлексы въ тѣсномъ смыслѣ, естественные, врожденные, или же рефлексы пріобрѣтенные, вторичные, упроченные повтореніемъ и привычкой, —

*) *Physiologie de l'esprit*, trad. Herzen, стр. 302—360.

производятся безъ выбора, безъ колебанія, безъ усилія, и могутъ длиться, не вызывая усталости. Они приспособлены настолько хорошо, что приводятъ въ движеніе въ организмѣ только элементы, необходимые для ихъ осуществленія. Въ порядкѣ строго-двигательномъ они соотвѣтствуютъ непроизвольному вниманію, которое, будучи также умственнымъ рефлексомъ, не предполагаетъ ни выбора, ни колебаній, ни усилія, и можетъ долго поддерживаться, не вызывая утомленія. Существуютъ однако еще и другія категоріи движеній, болѣе сложныхъ, искусственныхъ, примѣромъ которыхъ могутъ служить: письмо, танцы, фехтованіе, всѣ упражненія тѣла, механическія занятія. Здѣсь приспособленіе ужъ не природное; чтобы пріобрѣсти его, надобно трудиться. Оно требуетъ выбора, попытокъ, усилія и въ началѣ сопровождается усталостью. Ежедневное наблюденіе доказываетъ, что въ самомъ началѣ прозводится большее число безполезныхъ движеній: ребенокъ, который учится писать, двигаетъ всей рукой, глазами, головой и иногда частью туловища. Цѣль, къ которой должно стремиться въ данномъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать разсѣянію труда и помощью ассоціацій и диссоціацій осуществить максимальное количество работы съ минимальнымъ усиліемъ. Причина этого факта заключается въ слѣдующемъ: не существуетъ изолированныхъ движеній; сокращающійся мускулъ дѣйствуетъ на сосѣдніе и часто на многіе другіе. Это достигается путемъ часто повторяемыхъ попытокъ, благодаря счастливой случайности: ловкіе люди успѣваютъ быстро, неловкіе—медленно или даже никогда. Но механизмъ остается все тотъ же; онъ состоитъ въ усиленіи извѣстныхъ движеній, координированіи ихъ въ одновременно дѣйствующія группы или же въ послѣдовательные ряды, и въ исключеніи всѣхъ остальныхъ, т. е. въ ихъ *задержкѣ*.

Точно такъ-же дѣйствуетъ и вниманіе произвольное или искусственное. Приготовляясь къ этому тяжелому состоянію, мы видимъ, какъ возникаютъ группами или рядами различныя состоянія сознанія; это зависитъ отъ того, что нѣтъ изолированныхъ состояній сознанія, точно такъ-же какъ нѣтъ изолированныхъ движеній. Между ними многія не служатъ для главной цѣли и отвлекаютъ отъ нея. Здѣсь также существуютъ состоянія сознанія

безполезныя или вредныя, которыя по возможности слѣдуетъ устранять. Добрая часть нашей задачи состоитъ въ этой отрицательной работѣ, которая удаляетъ изъ сознанія посторонніе элементы или приводитъ ихъ къ наименьшей интенсивности. Какимъ образомъ достигается это, когда удается? Приходится или отказаться отъ всякаго объясненія, или-же допустить, что двигательные элементы этихъ состояній сознанія подвергаются задержкѣ. Въ такихъ случаяхъ мы очень ясно ощущаемъ непрерывное усиліе. Можетъ-ли оно возникнуть иначе, какъ вслѣдствіе энергіи, потраченной на задержку? Вѣдь обыкновенное теченіе мысли, предоставленной себѣ самой, свободно отъ усилія. Если намъ возразятъ, что, судя по этому, основной механизмъ произвольнаго вниманія остается скрытымъ, мы отвѣтимъ, что скрытымъ остается механизмъ всякаго хотѣнія. Въ сознаніе проникаютъ лишь два крайніе момента: отправной и конечный; все остальное происходитъ въ области физіологической, причемъ безразлично, нужно-ли дѣйствовать или препятствовать, произвести движеніе или задержку. Вниманіе есть состояніе ума минутное, преходящее: это не постоянная сила, какъ чувствительность или память. Это форма (стремленіе къ моноидеизму), которой подчиняется матерія (обыкновенное теченіе состояній сознанія); его исходной точкой служитъ случайное стеченіе обстоятельствъ (вниманіе непроизвольное) или установленіе заранѣе опредѣленной цѣли (вниманіе произвольное). Въ обоихъ случаяхъ необходимо участіе аффективныхъ состояній или стремленій. Они *направляютъ* все. Если ихъ нѣтъ, ничто не удается; если они подвергаются колебаніямъ — вниманіе неустойчиво; когда они прекращаются, вниманіе исчезаетъ. Когда такимъ образомъ является преобладаніе одного какого-либо состоянія сознанія, механизмъ ассоціаціи приходитъ въ движеніе, сообразно своей многосложной формѣ. *Направляющая* работа состоитъ въ томъ, чтобы выбрать и удержать въ сознаніи (посредствомъ задержки другихъ) приспособленныя состоянія, но такимъ образомъ, чтобы они могли развиваться въ свою очередь, благодаря ряду подборовъ, задержекъ и усиленій. Больше вниманіе не можетъ дать ничего; оно ничего не создаетъ и, если мозгъ безплоденъ, ассоціаціи бѣдны, оно функціонируетъ напрасно. Направить по произволу свое

вниманіе составляетъ трудъ, невозможный для многихъ и подверженный случайностямъ для всѣхъ.

III.

Всякому по опыту извѣстно, что произвольное вниманіе всегда сопровождается чувствомъ усилія, прямо пропорціональнымъ его продолжительности и трудности поддержать его. Откуда берется это ощущеніе усилія и что оно означаетъ?

Усиліе при вниманіи есть частный случай усилія вообще, котораго наиболѣе обыкновеннымъ и наиболѣе извѣстнымъ проявленіемъ служитъ усиліе, сопровождающее мускульную работу. Относительно происхожденія этого чувства было высказано три мнѣнія:

1) Оно происхожденія центральнаго и, предшествуя движенію или по крайней мѣрѣ одновременно съ нимъ, направляется извнутри наружу; это чувство центробѣжное, исходящее, чувство затрачиваемой энергіи; оно не происходитъ, какъ ощущеніе въ тѣсномъ смыслѣ, отъ внѣшняго вліянія, переданнаго центростремительными нервами (Бэнъ).

2) Оно происхожденія периферическаго и, являясь вслѣдъ за произведенными движеніями, направляется снаружи внутрь; это чувство входящее, чувство энергіи, которая была уже потрачена; оно, какъ всякое другое ощущеніе, передается отъ периферіи тѣла къ мозгу помощью центростремительныхъ нервовъ (Бастіанъ, Ферръе, Джемсъ и т. д.).

3) Оно есть одновременное явленіе центральное и периферическое: существуетъ совмѣстно и чувство затрачиваемой силы или чувство иннерваціи, и чувство произведеннаго движенія; оно сначала центробѣжно, затѣмъ центростремительно (Вундтъ). Эта смѣшанная теорія повидимому раздѣляется и I. Мюллеромъ, однимъ изъ первыхъ физіологовъ, изучавшихъ этотъ вопросъ.

Второй тезисъ, наиболѣе новый, кажется и наиболѣе солиднымъ. Джемсъ очень тщательно изложилъ его въ своей монографіи *The Feeling Effort* (1880) и подвергъ всесторонней критикѣ ученіе о чувствѣ затраченной энергіи, предшествующемъ движе-

нію. Разбирая факты одни за другими, авторъ доказалъ, что, если, въ случаяхъ паралича одной какой нибудь части тѣла или одного глаза, у больного является ощущеніе затраченной энергіи, несмотря на то, что конечность или глазъ остаются неподвижными (что на первый взглядъ подтверждаетъ тезисъ предшествующаго движенію центральнаго чувства иннерваціи), то это зависитъ отъ движенія, дѣйствительно имѣвшаго мѣсто въ соотвѣтствующей конечности или въ глазу не парализованномъ. Отсюда онъ выводитъ, что чувство это есть сложное состояніе, зависящее отъ сокращенія мускуловъ, отъ напряженія сухожилій, связокъ и кожи, отъ подавленнаго стремленія выговаривать слова, пріостановленныхъ движеній груди, усилія для закрытія гортани, наморщиванія брови, сжатія челюсти и т. д.; что, словомъ, оно, какъ и всякое ощущеніе, происхожденія периферическаго. Даже для тѣхъ, которые не согласны допустить рѣшающее значеніе этого тезиса, не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ объясняетъ факты несравненно удовлетворительнѣе, гораздо болѣе сообразно общимъ физіологическимъ законамъ, нежели гипотеза, связывающая это чувство съ разряженіемъ двигательныхъ нервовъ; это очевидно слѣдуетъ изъ того, что двигательный аппаратъ нечувствителенъ въ центробѣжномъ направленіи.

Разсмотримъ теперь частный случай усилія—усиліе при вниманіи. Прежніе психологи ограничивались тѣмъ, что констатировали его существованіе, не давая ему никакого объясненія. Они говорятъ о немъ только въ неопредѣленныхъ и таинственныхъ выраженіяхъ, какъ о „состояніи души“, о проявленіи надъорганическомъ. Они видятъ въ немъ воздѣйствіе души на мозгъ съ цѣлью побудить его къ дѣятельности. Мнѣ кажется, что Фехнеръ первый (1860 г.) попытался локализировать точнымъ образомъ различныя формы вниманія, относя ихъ къ опредѣленнымъ частямъ организма. На этомъ основаніи я полагаю, что будетъ не лишнимъ указать на слѣдующія мѣста, въ которыхъ онъ пытается дать объясненіе явленію усилія.

„Мнѣ кажется, что чувство усилія при вниманіи въ различныхъ органахъ чувствъ есть не что иное, какъ мускульное чувство (Muskelgefühl), вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что помощью извѣстнаго рефлективнаго акта приводятся въ движеніе мускулы,

находящіеся въ соотношеніи съ различными органами чувствъ. При этомъ меня могутъ спросить: съ какимъ же мускульнымъ сокращеніемъ можетъ быть связано чувство утомленія отъ вниманія, когда мы пытаемся припомнить что нибудь? Мое самочувствіе даетъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я очень ясно ощущаю напряженіе не внутри черепа, но какъ бы въ костяхъ головы и давленіе снаружи во внутрь на весь черепъ, что очевидно происходитъ вслѣдствіе сокращенія мускуловъ кожи головы и вполнѣ согласуется съ выраженіями: «ломать себѣ голову» (sich den Kopf zerbrechen), «собираться съ мыслями». Во время одной болѣзни, которою я страдалъ когда-то и впродолженіе которой не выносилъ ни малѣйшаго усилія связной мысли (замѣчу, что въ это время я еще не составилъ себѣ никакой теоріи), мускулы затылка обнаруживали у меня значительную степень болѣзненной чувствительности всякій разъ, когда я старался размышлять".

Въ слѣдующемъ отрывкѣ Фехнеръ описываетъ ощущеніе усилія сначала въ чувствительномъ вниманіи, а затѣмъ въ размышленіи.

„Если мы переносимъ наше вниманіе изъ области одного чувства къ другому, то испытываемъ тотчасъ-же опредѣленное чувство, трудно поддающееся описанію, но которое каждый легко можетъ воспроизвести на опытѣ. Это измѣненіе мы опредѣляемъ, какъ различнымъ образомъ локализированное напряженіе.

„Мы ощущаемъ напряженіе, направленное впередъ въ глазахъ, въ сторону—въ ушахъ и измѣняющееся сообразно степени вниманія, смотря по тому, присматриваемся-ли мы или прислушиваемся къ чему-нибудь со вниманіемъ: вотъ почему говорится объ усиліи при вниманіи. Мы очень ясно ощущаемъ разницу, когда быстро мѣняемъ направленіе вниманія отъ глаза къ уху. Точно такъ-же различно локализируется чувство усилія, глядя по тому, хотимъ-ли мы обнюхать, испробовать на вкусъ или старательно ощупать что-нибудь.

„Когда я собираюсь какъ можно яснѣе представить себѣ данное воспоминаніе или образъ, я испытываю напряженіе, совершенно аналогичное съ тѣмъ, которое сопровождаетъ внимательное всматриваніе или вслушиваніе. Это вполнѣ аналогичное чувство локализируется совершенно различнымъ способомъ. Между тѣмъ

какъ при внимательномъ всматриваніи въ реальные предметы или въ послѣдовательные образы напряженіе чувствуется впереди, при приложеніи же вниманія къ другимъ областямъ чувствъ измѣняется только направленіе этого напряженія къ внѣшнимъ органамъ—причемъ остальная часть головы не даетъ никакого чувства напряженія—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возникаютъ воспоминанія и образы, у меня является сознаніе, что напряженіе совершенно покидаетъ наружные органы чувствъ и повидимому скорѣе занимаетъ ту часть головы, которую наполняетъ мозгъ. Напримѣръ, если мнѣ хочется живо представить себѣ данный предметъ или данное лицо, то, какъ мнѣ кажется, они воспроизводятся для меня тѣмъ живѣе, чѣмъ болѣе я напрягаю свое вниманіе не спереди, а, такъ сказать, сзади"*).

Съ того времени, какъ появилась работа Фехнера, упомянутыя нами изысканія Дюшена, Дарвина и всѣхъ біологовъ, изучавшихъ выразительныя движенія, внесли въ эту область гораздо болѣе ясности и опредѣленности. Напомнимъ еще о роли дыхательныхъ движеній, которыхъ не касается Фехнеръ. Ихъ значеніе такъ велико, что въ извѣстныхъ случаяхъ только они одни вызываютъ чувство усилія. Это доказалъ Ферье помощью весьма простого опыта. Вытянувъ руку и держа указательный палецъ въ положеніи, необходимомъ для выстрѣла, можно испытать чувство затраченной энергіи, не двигая на самомъ дѣлѣ пальцемъ. Вотъ повидимому ясный случай чувства затраченной энергіи безъ дѣйствительнаго сокращенія мускуловъ руки и безъ замѣтнаго физическаго усилія (что составляетъ тезисъ Бэна).

„Но если читатель возобновитъ опытъ и отнесется со вниманіемъ къ состоянію своего дыханія, то замѣтитъ, что сознаніе усилія совпадаетъ у него съ неподвижностью грудныхъ мускуловъ, и что пропорціонально суммѣ энергіи, которую онъ чувствуетъ затраченной, онъ держитъ гортань закрытою и активно сокращаетъ дыхательные мускулы. Если-же онъ попрежнему установитъ свой палецъ, но при этомъ все время *будетъ продолжать дышать*, то замѣтитъ, что, каково бы ни было вниманіе, направленное имъ на палецъ, онъ не ощутитъ ни малѣйшаго

---

*) *Elemente der Psychophysik*, т. II, стр. 490 и 475.

слѣда усилія до тѣхъ поръ, пока палецъ въ дѣйствительности не придетъ въ движеніе, причемъ локализація чувства усилія отнесется къ дѣйствующимъ мускуламъ. Только въ томъ случаѣ, когда оставляется безъ вниманія этотъ необходимый дыхательный факторъ, всегда присутствующій, сознаніе усилія можетъ съ нѣкоторою степенью вѣроятности быть приписано центробѣжному току".

Въ итогѣ вездѣ и всегда мускульныя сокращенія. Даже въ случаяхъ совершенной неподвижности мы находимъ при тщательномъ самонаблюденіи, что интенсивное размышленіе сопровождается зачатками рѣчи, движеніями горла, языка, губъ. У тѣхъ, которые принадлежатъ къ двигательному типу, слѣдовательно у наименѣе благопріятныхъ для нашего тезиса, существуютъ состоянія мысленнаго всматриванія или вслушиванія: глазъ, хотя онъ и закрытъ, приковывается къ воображаемымъ предметамъ. Чермакъ, а за нимъ Штрикеръ обратили наше вниманіе на тотъ фактъ, что если отъ внутренняго созерцанія образа предмета, который предполагается въ очень близкомъ разстояніи, сразу перейти къ мысленному всматриванію въ предметъ очень отдаленный, то чувствуется явственное измѣненіе въ иннерваціи глазъ. Въ зрѣніи дѣйствительномъ приходится въ такихъ случаяхъ переходить отъ состоянія схожденія зрительныхъ осей къ состоянію ихъ параллелизма, т. е. различнымъ образомъ иннервировать двигательные мускулы глазъ. Та-же операція, только въ болѣе слабой степени, въ зачаточномъ состояніи, происходитъ во внутреннемъ зрѣніи, сопровождающемъ размышленіе. Наконецъ у всѣхъ и во всѣхъ случаяхъ существуетъ измѣненіе дыхательнаго ритма *).

---

*) Въ послѣднее время Гуге (изъ Амстердама) далъ названіе апросексіи (отъ α и προσέχειν) неспособности останавливать вниманіе на опредѣленномъ предметѣ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ опухоли железъ въ носоглоточной полости, полиповъ носа и т. д. Одинъ семилѣтній ребенокъ втеченіе цѣлаго года школьной жизни могъ выучить только три первыя буквы азбуки. Послѣ сдѣланной ему операціи опухоли железъ онъ выучилъ всю азбуку втеченіе одной недѣли. Нѣкоторые воспитанники гимназіи или студенты, страдавшіе тѣмъ-же, не могли ничему научиться. Всякое усиліе фиксировать вниманіе вызывало у нихъ головныя боли и головокруженіе. Они могли, не утомляясь, прочесть отъ шести до десяти разъ одну и ту-же фразу, не понимая однако прочитаннаго и въ то-же время не думая ни о чемъ другомъ. Послѣднее обстоятельство отличаетъ это состояніе отъ обыкновенной разсѣянности (*Biologisches Centralblatt*, 1-е января 1889).

Теперь мы въ состояніи отвѣтить на поставленный выше вопросъ о происхожденіи чувства усилія и о значеніи его.

Происхожденіе его кроется въ тѣхъ физическихъ состояніяхъ, которыя мы уже столько разъ перечислили и которыя составляютъ необходимыя условія вниманія. Вниманіе — нечто иное, какъ ихъ отраженіе въ сознаніи. Оно зависитъ отъ количества и отъ качества мускульныхъ сокращеній, органическихъ измѣненій и т. д. Его точка отправленія характера периферическаго, какъ и для всякаго другого ощущенія.

Эта точка отправленія означаетъ, что вниманіе есть состояніе ненормальное, не прочное, вызывающее быстрое изнуреніе организма, ибо усиліе кончается утомленіемъ, утомленіе же ведетъ въ свою очередь къ функціональному бездѣйствію.

Остается неяснымъ одинъ пунктъ Когда мы переходимъ отъ обыкновеннаго состоянія къ состоянію чувствительнаго вниманія или размышленія, то при этомъ происходитъ увеличеніе работы. Человѣкъ, утомившійся отъ продолжительной ходьбы, отъ сильнаго напряженія мысли или изнемогающій отъ потребности сна по истеченіи дня, выздоравливающій послѣ серьезной болѣзни, словомъ, всѣ разслабленные неспособны ко вниманію, потому что оно, какъ и всѣ остальныя формы труда, требуетъ запаснаго капитала, готоваго къ израсходованію. Такимъ образомъ въ переходѣ отъ состоянія разсѣянности къ состоянію вниманія происходитъ преобразованіе силы напряженія въ живую силу, переходъ потенціальной энергіи въ энергію активную. Это-то и есть начальный моментъ, очень отличный отъ момента чувствуемаго усилія, являющагося его слѣдствіемъ. Я дѣлаю это замѣчаніе мимоходомъ, не останавливаясь на немъ

За разборъ этого вопроса можно взяться съ пользою, только ознакомившись съ нашимъ предметомъ во всей его цѣлости.

IV.

Опытныя изысканія по вопросу о произвольномъ вниманіи подтвердили нѣкоторые выводы, которые впрочемъ естественно вытекали изъ точнаго пониманія предмета, и придали имъ большую

опредѣленность. Изысканія эти могутъ быть прямыми или косвенными, смотря по тому, изучается-ли вниманіе само по себѣ во всѣхъ его индивидуальныхъ измѣненіяхъ, въ состояніи нормальномъ или болѣзненномъ, или-же какъ средство, какъ орудіе другихъ изысканій, касающихся продолжительности воспріятій, ассоціацій, сужденія, выбора. Вниманіе служитъ дѣйствительно основнымъ психическимъ условіемъ всѣхъ психометрическихъ изысканій *).

Оберштейнеръ, разсматривающій вниманіе главнымъ образомъ какъ актъ задержки, нашелъ, что оно вообще требуетъ больше времени у невѣждъ, нежели у людей образованныхъ; у женщинъ, нежели у мужчинъ, которыхъ образъ жизни способствуетъ развитію задерживающей способности; у старцевъ, нежели у взрослыхъ и молодыхъ людей; послѣднее конечно зависитъ отъ менѣе быстрой функціональной дѣятельности.

Рядъ опытовъ, произведенныхъ надъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, далъ при нормальномъ состояніи среднюю, равную 133 σ, при головной боли 171 σ, въ состояніи усталости и дремоты 183 σ. У одного больного при началѣ общаго паралича среднее время равнялось 166 σ, во второмъ періодѣ болѣзни, когда состояніе субъекта вполнѣ совпадало съ опытнымъ изслѣдованіемъ, было получено 281 σ и до 755 σ. Съ другой стороны Стэнли Галль, которому удалось встрѣтить субъекта, могущаго правильно реагировать въ состояніи гипноза, констатировалъ очень замѣтное сокращеніе времени, потребнаго для реакціи, которое отъ средней 328 σ (состояніе нормальное) уменьшалось до 193 (состояніе гипноза),—результатъ, который можно было предвидѣть на основаніи присущаго гипнозу моноидеизма.

Вундтъ и Экснеръ производили другіе опыты надъ нормальнымъ человѣкомъ. Иногда субъектъ застигается въ состояніи разсѣянности, причемъ впечатлѣніе, на которое онъ долженъ реагировать, является врасплохъ и не опредѣлено заранѣе. Ино-

*) Относительно подробностей и установки опытовъ см. Obersteiner, *Experimental Researches on Attention* въ *Brain*, январь 1879 г.; Wundt, *Psychologie physiologique*, т. II, гл. XVI; Exner въ Hermann, *Handbuch der Physiologie*, т. II, вып. 2, стр. 283 и слѣд.,—Stanley Hall, *Reaction time and attention in the hypnotic state*, въ *Mind* (апрѣль 1883).—Во всѣхъ данныхъ числахъ за единицу принята тысячная доля секунды=σ.

гда впечатлѣніе опредѣляется по отношенію къ своему характеру и энергіи, но не по отношенію къ моменту, когда оно должно наступить. Иногда-же впечатлѣніе опредѣляется вполнѣ (въ отношеніи характера и времени наступленія), причемъ условный знакъ предупреждаетъ субъекта о наступленіи впечатлѣнія. Въ этомъ восходящемъ движеніи отъ неопредѣленности къ полной опредѣленности, время реакціи постепенно уменьшается, чего и можно было ожидать. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ въ случаѣ разсѣянности это время можетъ достигнуть громадной цифры 500 σ, во второмъ случаѣ оно сокращается до 253 σ, а при условномъ знакѣ — до 76 σ.

Эти опыты представляютъ намъ въ простѣйшей формѣ состояніе, называемое *вниманіемъ выжидательнымъ*. Они требуютъ нѣкоторыхъ замѣчаній, могущихъ подтвердить сказанное выше.

Если разсматривать *духовную сторону* выжидательнаго вниманія, то оказывается, что это — приготовительная стадія, втеченіе которой вызывается образъ событія предвидѣннаго или предполагаемаго. Состояніе моноидеизма уже образовалось, такъ что дѣйствительное явленіе есть только усиленіе прежде существовавшаго представленія. Въ нѣкоторыхъ опытахъ дается почти одновременно два впечатлѣнія и требуется опредѣлить, которое изъ нихъ предшествуетъ во времени. Если они различнаго характера, одно слуховое (ударъ колокола), другое зрительное (электрическая искра), то мы склонны считать предшествующимъ или впечатлѣніе наиболѣе сильное, или-же то, на которое было направлено вниманіе. Дѣлая подобнаго рода изысканія, Вундтъ могъ по желанію получать первымъ то одно, то другое впечатлѣніе, смотря по тому, куда направлялъ свое вниманіе. Когда оба возбужденія однородны, то хорошо воспринимается только первое, второе-же проходитъ совершенно незамѣченнымъ.

Разсматривая выжидательное вниманіе со стороны *двигательныхъ* явленій, мы замѣчаемъ, что оно вызываетъ подготовительную иннервацію нервныхъ центровъ и мускуловъ, которая при первомъ толчкѣ можетъ перейти въ дѣйствительный импульсъ. И такъ, представленіе само по себѣ, помимо внѣшней причины, можетъ вызвать реакцію.

Это возбужденное состояніе является главнымъ образомъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда ожидаемое впечатлѣніе не опредѣлено заранѣе,—въ случаяхъ, которые можно назвать случаями выжидательнаго вниманія вообще. Двигательная иннервація распредѣляется между всѣми областями чувствованія: тогда является чувство безпокойства и неловкости, чувство такого напряженія, что падающее тѣло или какая нибудь случайность въ лабораторіи вызываютъ автоматическую реакцію.

Когда ожидаемое впечатлѣніе въ точности опредѣлено, тогда путь двигательной иннерваціи напередъ начертанъ; вмѣсто того, чтобы разсѣеваться, вниманіе локализируется. Время реакціи можетъ сдѣлаться нулевымъ или даже отрицательнымъ.

Когда реакціядолжна произойти помощью разнородныхъ пріемовъ или для разнородныхъ возбужденій, то необходимо должно наступить въ центрахъ измѣненіе, которое могло-бы въ свою очередь произвести измѣненіе въ направленіи нервныхъ путей; такое состояніе крайне утомительно. Если, несмотря на утомленіе, продолжаютъ реагировать, то время возрастаетъ несоразмѣрно, до одной секунды по Экспнеру.

Мы должны упомянуть также объ опытныхъ изысканіяхъ Н. Ланге *) надъ колебаніями чувствительнаго вниманія. Въ ночной тишинѣ тиканіе часовъ, находящихся на извѣстномъ разстояніи, то вовсе не слышно, то, напротивъ, усиливается; то-же самое замѣчается относительно шума водопада; аналогичныя колебанія были наблюдаемы также въ ощущеніяхъ зрительныхъ и осязательныхъ. Эти измѣненія не объективны, они могутъ быть только субъективны. Можно-ли, какъ это дѣлается обыкновенно, приписать ихъ утомленію органа чувства? Авторъ не согласенъ съ этимъ; по его мнѣнію, они происхожденія центральнаго и зависятъ отъ колебаній вниманія. Если бы колебанія были происхожденія периферическаго, то они не зависѣли бы другъ отъ друга въ тѣхъ случаяхъ, когда вниманіе направлено на два одновременныхъ возбужденія, — одно зрительное, другое слуховое. Этого однако не бываетъ; оба вида колебаній никогда не совпадаютъ; они всегда раздѣляются вполнѣ опредѣленнымъ промежут-

---

*) Lange, *Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception* въ *Philosophische Studien*, 1887, т. IV, вып. 3.

комъ. Гдѣ причина такой періодичности колебаній? По мнѣнію автора, она лежитъ въ колебаніи образовъ, сопровождающихъ чувственное воспріятіе. Усиліе, связанное со вниманіемъ, происходитъ отъ того, что къ дѣйствительному впечатлѣнію присоединяется образъ предшествовавшаго впечатлѣнія. „Чувствительное вниманіе,—говоритъ онъ,—есть ассимиляція дѣйствительнаго впечатлѣнія, остающагося неподвижнымъ, съ предшествовавшимъ образомъ, который подвергается колебаніямъ".

Въ итогѣ мы видимъ, что вниманіе ни въ чемъ не похоже на чисто-духовную дѣятельность, что оно связано съ вполнѣ опредѣленными физическими условіями и, дѣйствуя только черезъ нихъ, отъ нихъ же и зависитъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Болѣзненныя состоянія вниманія.

Чтобы закончить изученіе вниманія, намъ остается разсмотрѣть болѣзненные случаи. Я не намѣренъ предлагать здѣсь очеркъ патологіи вниманія: такая задача была-бы слишкомъ претенціозна и преждевременна. Но есть факты, пренебреженные психологіей, которые не мѣшаетъ разсмотрѣть, хотя на первый взглядъ они кажутся вульгарными. Читатель не замедлитъ убѣдиться, насколько они важны для болѣе яснаго пониманія механизма нормальнаго вниманія.

Разговорный языкъ противуполагаетъ вниманію состояніе разсѣянности, но слово „разсѣянность" на нашемъ языкѣ, такъ-же какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, имѣетъ различное значеніе; имъ обозначаютъ состоянія ума по виду однородныя, въ сущности-же совершенно различныя. „Разсѣянными" называютъ людей, умъ которыхъ неспособенъ фиксироваться маломальски прочно, которые безпрерывно переходятъ отъ одной мысли къ другой подъ вліяніемъ мимолетныхъ измѣненій въ состояніи своего духа или самыхъ незначительныхъ событій въ своей средѣ. Это—вѣчное состояніе подвижности и разбросанности, служащее антиподомъ вниманія; оно часто встрѣчается у дѣтей и у женщинъ. Но то-

же слово „разсѣянность“ примѣняютъ также къ случаямъ совершенно иного рода. Люди, поглощенные какой-нибудь одной мыслью и разсѣянные по отношенію ко всему окружающему, мало подвержены вліянію внѣшнихъ событій, которыя скользятъ по нимъ, не проникая въ ихъ сознаніе. Они кажутся неспособными ко вниманію, потому-что очень внимательны. Многіе ученые знамениты своей „разсѣянностью“; примѣры, относящіеся сюда, всѣмъ извѣстны, и нѣтъ надобности приводить ихъ здѣсь. Между тѣмъ какъ разсѣянные-безпорядочные характеризуются постояннымъ переходомъ отъ одной мысли къ другой, разсѣянные-поглощенные характеризуются невозможностью или крайней трудностью перехода. Они прикованы къ своей мысли; это узники, не желающіе бѣжать. Въ сущности состояніе ихъ есть смягченная форма болѣзненнаго случая, который мы будемъ изучать дальше подъ названіемъ idée fixe.

Эти явленія обыденной жизни, эти различныя формы „разсѣянности“ представляютъ въ сущности факты мало рельефные, мало поучительные, и мы много выиграемъ, если остановимся на формахъ явно патологическихъ. Не претендуя ни на что, похожее на систематическую классификацію, попробуемъ группировать ихъ въ раціональномъ порядкѣ. Для этой цѣли отправной точкой долженъ служить намъ фактъ нормальнаго вниманія, причемъ намъ остается только отмѣтить встрѣчающіяся въ его природѣ видоизмѣненія и уклоненія отъ нормы. Нѣкоторые авторы изучали поврежденія вниманія, относя ихъ къ различнымъ общепризнаннымъ типамъ душевныхъ болѣзней: ипохондріи, меланхоліи, маніи, безумію и т. д. Этотъ пріемъ влечетъ за собой вѣчныя оговорки и кромѣ того имѣетъ еще болѣе важный недостатокъ, т. е. онъ плохо освѣщаетъ фактъ вниманія. Здѣсь оно изучается не само по себѣ, но только въ качествѣ симптома. Для насъ, напротивъ, вниманіе должно быть на первомъ планѣ; все остальное имѣетъ значеніе аксессуаровъ. Чтобы всегда можно было схватить соотношеніе болѣзненныхъ формъ, онѣ необходимо должны быть связаны общимъ стволомъ—нормальнымъ состояніемъ; это единственное условіе, при которомъ мы можемъ найти для себя что-либо поучительное въ паталогіи.

Если, какъ это мы сдѣлали выше, мы опредѣлимъ вниманіе,

какъ *временное* господство извѣстнаго состоянія сознанія или группы состояній съ естественнымъ или искусственнымъ приспособленіемъ индивидуума; если таковъ нормальный типъ, то можно указать на слѣдующія уклоненія:

1) *Абсолютное* господство одного состоянія или группы состояній, которое дѣлается прочнымъ, неподвижнымъ и не можетъ быть вытѣснено изъ сознанія. Это уже болѣе не антагонистъ самопроизвольной ассоціаціи, роль котораго сводится къ управленію послѣдней; это — сила тираническая, разрушительная, подчиняющая себѣ все, допускающая развитіе идей только въ одномъ опредѣленномъ направленіи, заполоняющая теченіе сознанія въ узкое русло, изъ котораго оно не можетъ выйти, дѣлающая безплоднымъ болѣе или менѣе все, что чуждо ея власти. Ипохондрія, а еще болѣе idée fixe и экстазъ суть случаи подобнаго рода. Они составляютъ первую группу болѣзненности, которую я назову *гипертрофіей вниманія.*

2) Ко второй группѣ я причисляю случаи, когда вниманіе не можетъ не только поддерживаться, но часто даже и образоваться. Эта разслабленность имѣетъ мѣсто при двухъ главныхъ условіяхъ. Иногда теченіе мыслей такъ быстро, наплывъ ихъ такъ обиленъ, что умъ находится во власти совершенно необузданнаго автоматизма. Въ этомъ безпорядочномъ приливѣ не длится и не преобладаетъ ни одно состояніе, здѣсь вовсе не образуется притягательнаго центра, даже временнаго. Здѣсь механизмъ ассоціаціи вознаграждаетъ себя; онъ дѣйствуетъ одинъ всею своей властью, безъ противовѣса. Таковы нѣкоторыя формы бреда и главнымъ образомъ острая манія. Въ другихъ случаяхъ механизмъ ассоціаціи не превышаетъ средней интенсивности, но совершенно отсутствуетъ или ослабѣваетъ задерживающая способность. Это состояніе выражается субъективно невозможностью или крайней трудностью усилія. Ничто не связывается ни самопроизвольно, ни искусственно; все остается отрывочнымъ, неопредѣленнымъ и разбросаннымъ. Многочисленные примѣры подобнаго рода находимъ мы у истеричныхъ, у людей болѣзненно-раздражительныхъ, у выздоравливающихъ, у субъектовъ апатичныхъ и безчувственныхъ, затѣмъ въ состояніи опьяненія, крайняго переутомленія тѣла или ума и т. д. Безсиліе такого рода аналогично всѣмъ

прочимъ формамъ истощенія. Группу эту, въ противуположность предыдущей, мы назовемъ атрофіей вниманія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что первая группа болѣзненныхъ явленій имѣетъ дѣло преимущественно съ непроизвольнымъ вниманіемъ, вторая-же—съ вниманіемъ произвольнымъ. Одна обличаетъ крайнее усиленіе способности къ сосредоточенію, другая—чрезмѣрное ослабленіе этой способности. Одна представляетъ эволюцію и движется по направленію къ *плюсу*, другая есть разложеніе и стремится къ *минусу*. Съ этого момента патологія служитъ провѣркою сказаннаго раньше. Произвольное вниманіе, какъ и все искусственное, подвержено колебаніямъ и случайностямъ. Болѣзнь не видоизмѣняетъ, а разрушаетъ его. Вниманіе непроизвольное, какъ и всѣ естественныя силы, можетъ разростаться до нелѣпости, но можетъ только видоизмѣняться; природа его остается та-же. Это напоминаетъ слабый вначалѣ вѣтеръ, переходящій затѣмъ въ бурю.

3) Къ третьей группѣ относятся ужъ не болѣзненныя формы вниманія, но прирожденное уродство. Таковы случаи, гдѣ непроизвольное вниманіе, а тѣмъ болѣе произвольное, не образуется постепенно, но является, какъ проблескъ молніи. Такое явленіе встрѣчается въ различной степени у идіотовъ, дурачковъ, слабоумныхъ, сумасшедшихъ.

Отъ этой бѣглой классификаціи перейдемъ теперь къ подробностямъ.

I.

Слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ почти нечувствительный переходъ отъ нормальнаго состоянія къ самымъ нелѣпымъ формамъ idée fixe. Съ каждымъ изъ читателей случалось, что какой-нибудь музыкальный мотивъ или незначущая фраза преслѣдовали его безъ достаточной причины. Это самая легкая форма idée fixe. Состояніе озабоченности ведетъ насъ къ слѣдующей высшей ступени: забота о больномъ, о подготовкѣ къ экзамену, о большомъ, предстоящемъ намъ, путешествіи и тысяча другихъ подобныхъ фактовъ дѣйствуютъ на сознаніе повтореніемъ, не составляя для него состоянія настоящей idée fixe. Несмотря на свой непостоян-

ный характеръ, мысль продолжаетъ жить и внезапно вырывается изъ состоянія безсознательности; она болѣе устойчива, чѣмъ всякая другая; ея минутныя затменія не мѣшаютъ ей играть главную роль. Говоря по правдѣ, у всякаго здороваго человѣка почти всегда существуетъ господствующая мысль, которая управляетъ его поведеніемъ, какъ напр. удовольствіе, деньги, честолюбіе, спасеніе души. Эта неотступная мысль, продолжающаяся всю жизнь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда одна смѣняетъ другую, въ концѣ концовъ разрѣшается въ неотступную страсть и тѣмъ еще разъ доказываетъ, что вниманіе и всѣ его разновидности зависятъ отъ аффективныхъ состояній. Метаморфоза вниманія въ idée fixe еще ярче выступаетъ у великихъ людей. „Что такое великая жизнь?—говоритъ Альфредъ де-Виньи.—Юношеская мысль, осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ". Для многихъ знаменитыхъ людей эта „мысль" оказалась настолько всепоглощающей и тиранической, что съ трудомъ отказываешься приписать ей болѣзненный характеръ.

Такое видоизмѣненіе непроизвольнаго вниманія въ несомнѣнно патологическую idée fixe очень явственно у ипохондриковъ. Можно прослѣдить его эволюцію, отмѣтить всѣ его ступени, потому что эта болѣзнь обнимаетъ очень многія формы, начиная отъ самаго легкаго состоянія озабоченности до полной одержимости одною мыслью. Хотя подобное состояніе можетъ зарождаться и рости только на благопріятной почвѣ и, слѣдовательно, предполагаетъ извѣстныя физическія и духовныя условія, тѣмъ не менѣе въ началѣ оно не переступаетъ средняго уровня непроизвольнаго вниманія; разростаніе происходитъ лишь постепенно. Не важно, впрочемъ, реальны-ли, или воображаемы страданія; съ точки зрѣнія психологической, субъективной, это одно и то же. Извѣстно, что достаточно сосредоточить вниманіе на какой-либо части тѣла (сердцѣ, желудкѣ, пузырѣ, кишкахъ), чтобы вызвать въ сознаніи необычныя ощущенія; здѣсь передъ нами частный случай общаго закона—стремленія всякаго рѣзкаго состоянія сознанія выразиться въ дѣйствіи. Нѣкоторые люди обладаютъ въ этомъ отношеніи особымъ даромъ. Сэръ Дж. Броди утверждаетъ, что могъ по желанію ощущать боль въ любомъ мѣстѣ своего тѣла, сильно фиксируя на немъ вниманіе. Но фик-

спровать вниманіе—значитъ попросту заставить извѣстное состояніе продолжаться и взять перевѣсъ надъ другими, вытѣсняющими или ослабляющими его. Это преобладаніе, сначала безвредное, возрастаетъ, благодаря слѣдствіямъ, имъ самимъ вызваннымъ. Образуется центръ притяженія, мало по малу пріобрѣтающій монополію надъ сознаніемъ. Тогда является вѣчная озабоченность, ежеминутное наблюденіе надъ состояніемъ каждаго органа, надъ продуктомъ каждой функціи; короче, состояніе полнѣйшей ипохондріи, картина которой столько разъ рисовалась различными авторами.

Но существуютъ idées fixes болѣе необыкновенныя, болѣе рѣдкія, которыя по своему чисто духовному характеру представляютъ какъ-бы каррикатуру размышленія. Это idées fixes въ тѣсномъ смыслѣ. Нѣкоторые современные писатели весьма тщательно изучали ихъ *). Къ сожалѣнію, мемуары и сборники наблюденій по этому вопросу не вышли изъ сферы психіатріи, и психологія до сихъ поръ не воспользовалась ими, по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ касается вниманія.

Всѣ болѣе или менѣе сходятся въ распредѣленіи idées xes на три большія категоріи:

1) Простыя idées fixes чисто умственнаго характера, которыя по большей части остаются скрытыми въ сознаніи или выражаются во внѣ только малозначущими актами.

2) Idées fixes, сопровождаемыя эмоціями, каковы ужасъ, тоска (агорафобія, манія сомнѣнія и т. д.).

3) Idées fixes въ формѣ импульсивной, извѣстныя подъ названіемъ неодолимыхъ стремленій, выражающіяся насиліемъ или преступными дѣяніями (воровствомъ, убійствомъ, самоубійствомъ).

Хотя между этими тремя категоріями нельзя провести рѣзкой

---

*) Westphal, «Ueber Zwangsvorstellungen» («Archiv für Psychiatrie», 1878), Berger, «Grübelsucht und Zwangsvorstellungen» (ibid. t. VIII); Krafft-Ebing, «Lehrbuch der Psychiatrie» и «Ueber Geistesstörungen durch Zwangsvorstellungen» («Zeitschrift für Psychiatrie» t. XXXV); Griesinger, «Ueber einen wenig bekannten psychopathischen Zustand» («Archiv für Psych»., t. I); Meschede, «Ueber Krankhafte Fragesucht» («Zeit. für Psych.», t. XXVII); Buccola, «Le idee fisse e le loro condizione fisiopatologiche» (1880); Tambourini, «Sulla pazzii del dubbio e sulle idee fisse ed impulsive» (1883); Luys, «Des obsessions pathologiques» («Encéphale» 1883); Charcot et Magnan, «De l'onomatomanie» (въ «Archives de neurologie», 1885).

границы, тѣмъ не менѣе можно однако сказать, что специфическій характеръ первой состоитъ въ помраченіи ума, что вторая относится скорѣе къ разряду аффектовъ, а третья зависитъ отъ ослабленія воли. Двѣ послѣднія должны быть строго исключены изъ нашего изслѣдованія, такъ какъ онѣ относятся къ патологіи чувствъ и воли. Гораздо лучше придерживаться случаевъ, свободныхъ отъ всякой примѣси,—тѣхъ, которые по всей строгости можно сравнить съ состояніемъ моноидеизма, называемаго вниманіемъ.

Ограничиваясь даже одною этой группой, мы не имѣемъ недостатка въ примѣрахъ idées fixes. Послѣднія получили различныя названія, смотря по преобладающему въ нихъ характеру. У однихъ idée fixe принимаетъ форму математическую (аритмоманія). Почему люди такого-то роста? Зачѣмъ дома такихъ-то размѣровъ? Почему деревья такой-то величины? и т. д. по поводу каждаго предмета. Чаще это безконечная потребность вычислять, складывать, множить. „Одна женщина, проявившая многіе симптомы истеріи, не могла взглянуть на улицу, чтобы тотчасъ же не приняться, противъ собственной воли, вычислять количество камней на этой улицѣ; затѣмъ на всѣхъ улицахъ города, во всѣхъ городахъ Италіи, наконецъ—въ рѣчкахъ и рѣкахъ. При видѣ мѣшка съ зерномъ въ мозгу ея тотчасъ же начиналась счетная работа; она вычисляла количество зеренъ, находящихся въ городѣ, въ данной области, во всей странѣ... Она сознавалась, что не только неодолимая сила влекла ее дѣлать такія странныя вычисленія, но что если ей приходилось прервать ихъ вслѣдствіе невозможности идти дальше или благодаря какой-либо другой причинѣ, она испытывала тоску и несказанныя физическія страданія“ *). Мнѣ приводили примѣръ молодого человѣка, который лучшую часть своего времени проводитъ въ вычисленіи часа прихода и отхода поѣздовъ желѣзной дороги на всѣхъ станціяхъ земного шара. Онъ надѣляетъ желѣзными дорогами даже тѣ страны, гдѣ ихъ нѣтъ, и по своему составляетъ росписаніе этихъ воображаемыхъ поѣздовъ. Онъ составляетъ очень сложные указатели на громадныхъ страницахъ,

*) Бонкати, поименов. соч., стр. 6-я.

проводитъ кривыя, согласуетъ поѣзда въ узловыхъ пунктахъ. Въ остальномъ это очень интеллигентный человѣкъ.

Другая форма idées fixes состоитъ въ задаванiи безконечныхъ вопросовъ по поводу абстрактной задачи, которую сами больные признаютъ неразрѣшимой. Нѣмцы называютъ ее Grübelsucht, англичане—„метафизической манiей“. Присущая ей вопросительная форма подала поводъ назвать ее Fragetrieb. Одинъ человѣкъ, наблюденiя надъ которымъ описаны Гризингеромъ, не могъ слышать слова „прекрасный“, не ставя цѣлаго неопредѣленно длиннаго ряда неразрѣшимыхъ вопросовъ относительно самыхъ туманныхъ задачъ эстетики. Слово „бытiе“ заставляло его пускаться въ метафизику. Этотъ больной, очень образованный, говорилъ въ своей исповѣди: „Я подтачиваю свое здоровье, обдумывая постоянно задачи, которыя никогда не будутъ разрѣшены человѣческимъ разумомъ, но которыя, несмотря на самое энергическое сопротивленiе съ моей стороны, осаждаютъ меня, не давая покоя. Теченiе моихъ мыслей непрерывно... Это метафизическое размышленiе не можетъ быть естественно, потому что оно безостановочно... Всякiй разъ, когда ко мнѣ возвращаются эти идеи, я стараюсь прогнать ихъ и убѣждаю себя слѣдовать естественному теченiю мыслей, не запутывая своего мозга въ туманныхъ аргументахъ или въ обдумыванiи отвлеченныхъ и неразрѣшимыхъ вещей. Тѣмъ не менѣе, я не могу спастись отъ безпрерывнаго импульса, терзающаго мой умъ, отъ неизмѣннаго и неотступнаго стремленiя, преслѣдующаго меня и не дающаго ни минуты покоя“ *).

Вслѣдствiе свойственнаго ему чисто умственнаго характера, я приведу послѣднiй примѣръ idées fixes, сообщенный Тамбурини: „Молодой студентъ юридическихъ наукъ, происходившiй отъ родителей-невропатовъ, былъ осаждаемъ постоянной мыслью о томъ, какъ бы узнать, почему и какимъ образомъ происходитъ принудительный курсъ банковыхъ билетовъ, и гдѣ найти корни этого явленiя. Эта мысль ежеминутно приковывала его вниманiе, мѣшала ему заниматься чѣмъ бы то ни было другимъ, станови-

---

*) Гризингеръ, вышепоименованный мемуаръ. Чтобы понять настоящую цѣну наблюденiя, надобно замѣтить, что дѣло идетъ о метафизическомъ умонастроенiи противъ воли.

лась между нимъ и внѣшнимъ міромъ, и, несмотря на всѣ свои усилія, онъ не могъ отдѣлаться отъ нея. Считая себя, несмотря на долгія размышленія и на многократныя изысканія, предпринимавшіяся для рѣшенія этой задачи, неспособнымъ къ какой-либо другой умственной работѣ, студентъ впалъ въ состояніе такой грусти и апатіи, что собирался бросить занятія... Сонъ его былъ неглубокъ и часто прерывался; часто онъ проводилъ безсонныя ночи, постоянно погруженный въ свою господствующую мысль. Слѣдуетъ отмѣтить очень странное явленіе, имѣвшее мѣсто въ этомъ случаѣ: вслѣдствіе постояннаго напряженія ума надъ задачею о банковыхъ билетахъ и принудительномъ курсѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что постоянно имѣлъ передъ глазами изображеніе самыхъ билетовъ во всемъ разнообразіи ихъ формы, величины и цвѣта. Мысль, благодаря непрестанному повторенію и интенсивности, пріобрѣла такую силу, что приравнялась къ дѣйствительности. Но у него всегда оставалось полное сознаніе, что изображенія, носившіяся передъ его глазами, были только игрою его воображенія". Цѣлесообразное лѣченіе и нѣсколько очень понятныхъ объясненій, данныхъ однимъ изъ профессоровъ, улучшили его состояніе. „Завѣса, покрывавшая его умъ, была такимъ образомъ снята для крупныхъ банковыхъ билетовъ, но оставалась еще для мелкихъ денежныхъ знаковъ, изображенія которыхъ продолжали являться ему". Затѣмъ наконецъ всѣ эти разстройства исчезли.

Иногда idée fixe состоитъ въ томъ, что субъектъ одержимъ желаніемъ припоминать имена — имена безразличныя или принадлежащія лицамъ незнакомымъ (ономатоманія), — но такъ какъ этотъ видъ idées fixes обыкновенно сопровождается чувствомъ тоски, то мы предпочитаемъ отнести его къ нашей второй категоріи.

Намъ скажутъ, быть можетъ: эти люди и подобные имъ — сумасшедшіе. Несомнѣнно, что это не нормальные люди; но эпитета „сумасшедшій" они не заслуживаютъ. Они разслаблены, выведены изъ состоянія равновѣсія. Координація душевныхъ силъ неустойчива и уступаетъ малѣйшему толчку; но это только потеря равновѣсія, а не паденіе. Авторы, искавшіе опредѣляющихъ причинъ idées fixes, приходятъ всѣ къ одному и тому же

выводу: это — симптомъ вырожденія. Можно бы сказать: недостаточно одного желанія, чтобъ имѣть idées fixes. Здѣсь требуется коренное условіе — невропатическая организація. Она можетъ быть или наслѣдственной, или пріобрѣтенной. Одни происходятъ отъ родителей, которымъ обязаны печальнымъ наслѣдіемъ выродившагося организма. Это — громадное большинство. Другіе же изнурены вслѣдствіе различныхъ условій своего прошлаго: усталости физической или умственной, эмоцій, сильныхъ страстей, половыхъ или другихъ излишествъ, анеміи, разслабляющихъ болѣзней и т. д. *). Въ концѣ концовъ обоими путями достигается одинъ и тотъ же результатъ. Поэтому-то idée fixe — даже въ той простѣйшей формѣ, которая занимаетъ насъ теперь и которая кажется намъ чисто теоретической и заключенной въ область умственныхъ процессовъ, — не составляетъ однако явленія чисто-внутренняго, лишеннаго физическихъ спутниковъ. Напротивъ, сопровождающіе ее органическіе симптомы обнаруживаютъ неврастезію; таковы головныя боли, невралгія, чувство подавленности, нарушеніе правильности движеній, разстройство сосудодвигательныхъ нервовъ, половыхъ функцій, безсонница и т. д. Психическое явленіе idées fixes представляетъ только одно изъ слѣдствій одной и той же причины. Слѣдуетъ замѣтить однако, что если для медика достаточно свести эти многообразныя проявленія къ единственному источнику — вырожденію, то на долю психолога выпадаетъ гораздо болѣе трудная задача. Ему, кромѣ общей причины, слѣдуетъ найти *частныя* причины каждаго случая. Почему такая-то форма взяла перевѣсъ у такого-то лица? Почему у одного явилась исключительная забота о вычисленіяхъ, у другого — объ именахъ, у третьяго — о банковыхъ билетахъ? Гдѣ второстепенныя причины, опредѣлившія данное направленіе? Каждый случай слѣдовало бы изучать особо. Предполагая, что такое изысканіе можетъ привести къ цѣли, лучше всего было бы начать съ наиболѣе серьезныхъ случаевъ, съ тѣхъ, которые были исключены нами. Въ сущности они проще, будучи связаны съ опредѣленнымъ органическимъ аппаратомъ (такова idée fixe у нѣкоторыхъ эротомановъ); здѣсь можно найти отправ-

*) Для подробнаго изложенія причинъ см. преимущественно Тамбурини, поименованные мемуары, стр. 27-я.

ную точку и руководящую нить. Но если мы сразу приложимъ психологическій анализъ къ духовнымъ формамъ idées fixes, то этимъ самымъ обречемъ себя на неудачу. Намъ впрочемъ не приходится браться здѣсь за эту работу. Единственная наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы поближе разсмотрѣть механизмъ навязчивыхъ идей (idées fixes) и понять, въ чемъ онъ подходитъ къ механизму вниманія и чѣмъ разнится отъ него.

На этотъ вопросъ мы можемъ тотчасъ-же отвѣтить: между обоими механизмами нѣтъ разницы по существу, а только въ степени; idée fixe отличается большей интенсивностью и большей продолжительностью. Возьмемъ любое состояніе произвольнаго вниманія; предположимъ, что возможно искусственными средствами усилить его, а главное, сдѣлать его постояннымъ, и метаморфоза его въ idée fixe будетъ готова; вся та совокупность неразумныхъ представленій, которыя сопровождаютъ ее и имѣютъ видъ кажущагося сумасшествія, обязательно приложится уже вслѣдствіе логическаго механизма мысли. Выраженіе „idée fixe" обнимаетъ собою главную часть полнаго психологическаго состоянія, но все-таки только часть: центръ, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается. Постоянное присутствіе одного образа, одной только идеи съ исключеніемъ чего бы то ни было другого, находилось бы въ противорѣчіи съ условіями существованія сознанія, требующаго измѣненій. *Абсолютный* моноидеизмъ если и существуетъ, то встрѣчается только въ высшихъ формахъ экстаза, о которыхъ мы поговоримъ ниже. Механизмъ idées fixes состоитъ въ однообразно направленныхъ ассоціаціяхъ состояній сознанія,—ассоціаціяхъ, иной разъ вялыхъ и несвязныхъ, но чаще находящихся въ очень тѣсной логической связи, выражающейся въ непрестанныхъ вопросахъ.

Нѣкоторые авторы, преимущественно же Вестфаль, указывая на отличіе idées fixes отъ умственнаго разстройства, называемаго сумасшествіемъ, дѣлаютъ слѣдующее важное замѣчаніе: „idée fixe есть *формальное* поврежденіе процесса образованія идей, но не содержаніе послѣднихъ, другими словами — поврежденіе относится не къ характеру, не къ качеству идеи, которые нормальны, но къ количеству интенсивности и степени ея. Размышленіе по поводу конечной причины вещей или по поводу по-

лезности банковыхъ билетовъ составляетъ актъ вполнѣ разумный, и состояніе это никоимъ образомъ не можетъ быть сопоставлено съ состояніемъ нищаго, считающаго себя милліонеромъ, или мужчины, воображающаго себя женщиной. „Формальное“ разстройство состоитъ въ безжалостной необходимости, заставляющей ассоціацію всегда слѣдовать по одному и тому же пути. Такъ какъ бываютъ промежутки, минутныя измѣненія въ направленіи, то эти больные, обладающіе пылкимъ умомъ и недюжиннымъ образованіемъ, вполнѣ сознаютъ безсмысліе своего состоянія: idée fixe является для нихъ внѣдрившимся въ нихъ постороннимъ тѣломъ, которое они не могутъ изгнать, но такъ какъ ей не удается вполнѣ овладѣть ими, то она остается недоразвившейся сумасбродной идеей.

Этотъ формальный характеръ idée fixe ясно указываетъ на ея тѣсное родство со вниманіемъ. Послѣднее, какъ мы нѣсколько разъ говорили, есть только извѣстное состояніе ума. Воспріятія, образы, идеи, эмоціи служатъ ему матеріаломъ: оно не создаетъ, а только изолируетъ, усиливаетъ, освѣщаетъ ихъ; оно служитъ только извѣстнымъ пріемомъ. Даже разговорный языкъ устанавливаетъ различіе между обычной формой состоянія ума и внимательной его формой.

Вслѣдствіе этого я очень склоненъ утверждать вмѣстѣ съ Букколла, „что idée fixe есть вниманіе на высшей его ступени, крайній моментъ его задерживающей способности“. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой даже условной границы; вотъ что мы получаемъ въ итогѣ, сравнивая ихъ между собой:

1) Въ обоихъ случаяхъ—преобладаніе и интенсивность одного состоянія сознанія, достигающія въ случаѣ idée fixe гораздо высшей степени. Послѣдняя, вслѣдствіе органическихъ условій, постоянна; она длится; она располагаетъ крайне важнымъ психическимъ факторомъ—временемъ.

2) Въ обоихъ случаяхъ механизмъ ассоціаціи дѣйствуетъ въ опредѣленныхъ границахъ. Это исключительное состояніе непродолжительно во вниманіи: сознаніе самопроизвольно возвращается къ нормальному состоянію, которое состоитъ въ борьбѣ за существованіе различныхъ состояній сознанія. Idée fixe препятствуетъ всякому разсѣянію.

3) Idée fixe предполагаетъ — это одно изъ обыкновенныхъ условій вырожденія—замѣтное ослабленіе воли, т. е. способности реагировать. Нѣтъ состоянія, находящагося съ ней въ антагонизмѣ и способнаго ослабить ее. Усиліе невозможно или безплодно. Отсюда это чувство тоски у больного, сознающаго свое безсиліе.

Физіологически можно съ нѣкоторою правдоподобностью представить себѣ условіе idée fixe слѣдующимъ образомъ: при нормальномъ состояніи работаетъ весь мозгъ; это — состояніе разбросанности. Происходятъ разряженія между различными группами клѣтокъ, что и составляетъ объективный эквивалентъ безпрестанныхъ измѣненій въ сознаніи. Въ болѣзненномъ состояніи дѣйствуютъ только нѣкоторые нервные элементы, или, по крайней мѣрѣ. ихъ напряженное состояніе передается другимъ группамъ. Необязательно впрочемъ, чтобы эти нервные элементы занимали извѣстный пунктъ или извѣстную ограниченную область мозга; они могутъ быть и разрознены съ тѣмъ только условіемъ, чтобы между ними была тѣсная связь и ассоціація для общей работы. Въ сущности они изолированы, каково бы ни было положеніе ихъ въ мозгу: въ нихъ скопилась вся наличная энергія, и они не сообщаютъ ее другимъ группамъ, отсюда проистекаетъ ихъ монополія и чрезмѣрная дѣятельность. Здѣсь недостаетъ физіологическаго равновѣсія вслѣдствіе вѣроятно нарушеннаго питанія мозговыхъ центровъ.

Эскироль называлъ idée fixe каталепсіей ума. Ее можно бы также сравнить съ явленіемъ изъ разряда движеній — судорогой. Послѣдняя состоитъ въ продолжительномъ сжатіи мускуловъ и зависитъ отъ излишней раздражаемости нервныхъ центровъ, которую не въ силахъ уничтожить воля. Idée fixe имѣетъ причину аналогичную: она состоитъ въ чрезвычайномъ напряженіи, и воля на нее не дѣйствуетъ.

II.

Idée fixe можетъ быть названа хронической формой гипертрофіи вниманія; экстазъ представляетъ острую форму послѣдней. Намъ нѣтъ надобности изучать во всей цѣлости это необыч-

ное состояніе ума, которое мы разсматривали въ другомъ мѣстѣ *) съ его отрицательной стороны—уничтоженія воли; теперь мы разсмотримъ его со стороны положительной, какъ экзальтацію умственной дѣятельности.

Сближеніе вниманія съ экстазомъ не представляетъ ничего новаго: аналогія обоихъ состояній такъ велика, что многіе авторы употребляли слово *вниманіе* для опредѣленія экстаза. „Это, говоритъ Берарь, сильная экзальтація нѣкоторыхъ идей, которыя до такой степени овладѣваютъ вниманіемъ, что ощущенія прекращаются, произвольныя движенія останавливаются, и даже часто замедляется жизненная дѣятельность“. По мнѣнію Микеа, это „глубокое созерцаніе съ уничтоженіемъ чувствительности и прекращеніемъ двигательной способности“. А. Мори выражается еще яснѣе: „насильственное водвореніе въ умѣ извѣстной идеи разграничивается отъ экстаза простымъ различіемъ въ степени. Созерцаніе предполагаетъ еще употребленіе воли и власть остановить крайнее напряженіе ума. Въ экстазѣ-же, представляющемъ не что иное, какъ созерцаніе, доведенное до высшей степени, воля, способная въ крайнемъ случаѣ вызвать экстазъ, не въ силахъ остановить его“ **).

Точно такъ-же какъ для idée fixe, для экстаза можно найти промежуточныя ступени отъ нормальнаго состоянія. Люди, одаренные сильной способностью ко вниманію, могутъ самопроизвольно удаляться отъ внѣшняго міра. Недосягаемые для ощущеній и даже для боли, они временно живутъ въ томъ спеціальномъ состояніи, которое называется *созерцаніемъ*. Такъ часто цитированный разсказъ объ Архимедѣ во время взятія Сиракузъ, будь онъ даже фактически ложенъ, вѣренъ психологически. Біографы Ньютона, Паскаля, В. Скотта, Гауса и пр. приводятъ многочисленные примѣры умственнаго восхищенія.

До изобрѣтенія хлороформа случалось иногда, что больные переносили болѣзненныя операціи, ничѣмъ не выражая ощущаемой боли, и сознавались впослѣдствіи, что ничего не чувствовали, благодаря тому, что помощью большого усилія вниманія

---

*) *Болѣзни воли*, гл. V.

**) Maury, *Le Sommeil et les Rêves*, стр. 235.

сосредоточивали свою мысль на какомъ нибудь предметѣ, окончательно ихъ поглощавшемъ.

„Многіе мученики переносили пытку съ полнымъ спокойствіемъ, которое, по ихъ собственному сознанію, сохранялось ими безъ всякаго труда. Ихъ экстатическое (entranced) вниманіе до того поглощалось представлявшимися ихъ восхищеннымъ взорамъ блаженными видѣніями, что тѣлесныя муки не причиняли имъ никакого страданія“ *).

Не разъ подобные же результаты вызывались и политическимъ фанатизмомъ, но вездѣ и всегда точкой опоры является сильная страсть; это служитъ новымъ доказательствомъ, что рѣзкія и устойчивыя формы вниманія зависятъ исключительно отъ аффективной жизни.

Оставимъ въ сторонѣ промежуточныя ступени и приступимъ къ экстазу въ рѣзкой его формѣ; оставимъ также безъ вниманія всѣ другія проявленія, какъ физическія, такъ и психическія, сопровождающія это необычное состояніе, и займемся только однимъ фактомъ: крайне усиленной умственной дѣятельностью при сосредоточеніи исключительно на одной мысли. Это — интенсивное и заключенное въ извѣстныя рамки состояніе идей; вся жизнь сосредоточена въ думающемъ мозгу, гдѣ все поглощено какимъ-либо однимъ представленіемъ. Тѣмъ не менѣе, хотя экстазъ и повышаетъ до крайней степени умственную дѣятельность каждаго индивидуума, онъ однако не въ состояніи преобразовать ее. Онъ не можетъ дѣйствовать на ограниченный и невѣжественный умъ такъ, какъ дѣйствуетъ на умъ образованный и высокопарящій. Въ виду занимающаго насъ вопроса мы должны различать двѣ категоріи мистиковъ. Для иныхъ внутреннее явленіе состоитъ въ возникновеніи господствующаго *образа*, вокругъ котораго лучеобразно располагается все остальное (крестныя страданія, зачатіе, Пресвятая Дѣва и т. д.), и который выражается правильной послѣдовательностью движеній и рѣчей: таковы Марія де Мерль, Луиза Лато, изступленная изъ Ворэ. У другихъ, великихъ мистиковъ, умъ, пройдя область образовъ, достигаетъ чистыхъ *идей* и останавливается на нихъ. Впослѣдствіи я попы-

*) Карпентеръ, *Физіологія ума*, гл. III.

таюсь показать, что эта высшая форма экстаза иногда реализируетъ абсолютный моноидеизмъ, т. е. полное единство сознанія, состоящее въ одномъ только состояніи безъ перемѣны.

Чтобъ воспроизвести это восходящее движеніе ума къ абсолютному единству сознанія, только слабое подобіе котораго представляетъ даже и самое сосредоточенное вниманіе, мы не нуждаемся ни въ правдоподобныхъ гипотезахъ, ни въ теоретическихъ и апріористическихъ разсужденіяхъ. Я нашелъ въ *Castillo interior* святой Терезы описаніе, слѣдующее за каждой стадіей этой прогрессивной сосредоточенности сознанія, которая, начавъ отъ обыкновеннаго состоянія разбросанности, принимаетъ затѣмъ форму вниманія, переходитъ за предѣлы ея и мало-по малу въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ совершеннаго единства интуиціи. Правда, это единственный въ такомъ родѣ документъ, но одно хорошее наблюденіе стоитъ сотни посредственныхъ *). Къ тому-же оно можетъ внушить намъ полное довѣріе. Это исповѣдь, написанная по приказанію духовной власти, созданіе ума очень чуткаго, весьма наблюдательнаго, умѣющаго владѣть словомъ для выраженія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ.

Прошу читателя не смущаться мистической фразеологіей этого наблюденія и не забывать, что здѣсь анализируетъ себя испанка XVI столѣтія, руководствуясь мыслями своего времени и говоря языкомъ, ему свойственнымъ; оно можетъ быть передано языкомъ современной психологіи. Я попытаюсь сдѣлать такой переводъ, стараясь показать читателю это постоянно возрастающее сосредоточеніе, это непрестанное съуживаніе области сознанія, описанное на основаніи личнаго опыта.

Есть, говоритъ она, дворецъ, построенный изъ цѣльнаго алмаза, несравненной красоты и чистоты; войти въ него, жить въ немъ—это цѣль мистика. Дворецъ этотъ находится въ нашей душѣ, мы можемъ войти въ него, оставаясь тѣмъ, что мы есть; но путь длиненъ и труденъ. Чтобы достигнуть этого дворца, надобно пройти семь обителей; путь лежитъ черезъ семь ступеней „молитвы“. Въ приготовительной стадіи человѣкъ еще погру-

*) Возможно, что при пересмотрѣ мистической литературы различныхъ странъ найдутся еще и другіе. Приводимые здѣсь отрывки взяты изъ *Castillo interior* и очень небольшое число ихъ изъ *Автобіографіи*.

женъ въ многообразность впечатлѣній и образовъ, въ „свѣтскую жизнь“. Въ переводѣ: сознаніе слѣдуетъ своему обыкновенному, нормальному теченію.

Первая обитель достигается „устной молитвой“. Я это перевожу такъ: молитва вслухъ, произносимая рѣчь, вызываетъ первую ступень сосредоточенія, направляетъ разсѣянное сознаніе на одинъ опредѣленный путь.

Вторая обитель—это обитель молитвы мысленной, т. е. здѣсь внутреннее сосредоточеніе мысли усиливается, рѣчь внутренняя замѣняетъ наружную. Трудъ сосредоточенія дается легче: сознаніе не нуждается болѣе въ матеріальной поддержкѣ словъ, выговариваемыхъ и слышимыхъ, для того, чтобы не уклониться въ сторону; оно довольствуется туманными образами, знаками, развертывающимися въ извѣстный рядъ.

„Молитва созерцательная“ отмѣчаетъ третью ступень. Здѣсь, нужно сознаться, я затрудняюсь въ способѣ толкованія. Я могу видѣть въ этой стадіи лишь высшую форму второго момента, отличающуюся отъ него столь слабымъ оттѣнкомъ, что онъ можетъ быть оцѣненъ только сознаніемъ мистика.

До сихъ поръ еще существуютъ дѣятельность, движеніе, усиліе; всѣ наши способности еще работаютъ; теперь-же слѣдуетъ не думать много, а любить много. Другими словами, сознанію предстоитъ перейти изъ формы дискурсивной (разсудочной) къ формѣ интуитивной (самосозерцательной), отъ множественности къ единству; оно стремится изъ лучистаго сіянія вокругъ одной неподвижной точки перейти въ одно исключительное состояніе громадной интенсивности. Этотъ переходъ не составляетъ ни слѣдствія капризной воли, ни результата исключительнаго движенія мысли, предоставленной себѣ самой; ему нужно увлеченіе могучей любви, „послѣдній ударъ“, т. е. безсознательное содѣйствіе всего организма.

„Молитва успокоенія“ вводитъ въ четвертую обитель; тогда душа „не производитъ болѣе, она получаетъ“; это—состояніе высшаго созерцанія, которое было извѣстно не однимъ только религіознымъ мистикамъ. Это—истина, являющаяся неожиданно и внезапно; ее должно признать, какъ таковую, безъ помощи медленныхъ и длинныхъ процессовъ логическаго мышленія.

Пятая обитель или „молитва единенія“ есть начало экстаза, но она неустойчива. Это „свиданіе съ божественнымъ женихомъ“, безъ прочнаго однако обладанія. „Цвѣты только слегка раскрыли свои чашечки, они распространили лишь первое благоуханіе“. Неподвижность сознанія несовершенна; въ немъ замѣтны колебанія и временныя исчезновенія; оно еще не можетъ удерживаться въ этомъ необычномъ и противуестественномъ состояніи.

Наконецъ, въ шестой обители, въ „молитвѣ восхищенія“, оно достигаетъ экстаза. „Тѣло становится холоднымъ, рѣчь и дыханіе останавливаются, глаза закрываются; самое легкое движеніе потребовало-бы величайшихъ усилій. Чувства и способности остаются внѣ сознанія... Хотя при этомъ обыкновенно не лишаются чувствъ (сознанія), *но мнѣ случалось лишаться ихъ совершенно*. Это бывало рѣдко и продолжалось очень недолго. Чувствительность по большей части сохраняется, но ощущается непонятное смущеніе и, хотя въ этихъ случаяхъ лишаются способности ко внѣшней дѣятельности, однако не перестаютъ слышать. Ощущается нѣчто, напоминающее неясный звукъ, несущійся издалека. Тѣмъ не менѣе, когда восхищеніе достигаетъ высшей степени, *перестаютъ слышать даже и такимъ образомъ*“.

Что-же такое седьмая и послѣдняя обитель, которая достигается „пареніемъ ума“? Что существуетъ по ту сторону экстаза? Единеніе съ Богомъ. Наступленіе его неожиданно и могущественно... Это стремительный порывъ, обладающій такой силой, что всякое сопротивленіе ему напрасно. „Тутъ Богъ сошелъ въ существо души, которая составляетъ съ нимъ одно цѣлое“. Разграниченіе этихъ двухъ ступеней экстаза не представляется мнѣ неосновательнымъ. На высшей его ступени, благодаря излишку единства, достигается даже уничтоженіе сознанія. Это толкованіе покажется законнымъ, если вспомнить подчеркнутыя мною выше два мѣста: „Мнѣ случалось совершенно лишаться чувства“, „Перестаютъ слышать даже и такимъ образомъ, когда восхищеніе достигло высшей своей степени“. Можно бы цитировать еще и другія мѣста, взятыя у того-же автора. Замѣчательно, что въ одномъ изъ ея „великихъ восхищеній“ Божество является ей безъ формы, какъ совершенно безсодержательная абстракція. Вотъ по крайней мѣрѣ какъ она выражается: „Итакъ, я скажу, что

Божество, будучи подобно до чрезвычайности чистому и прозрачному алмазу, много больше видимаго міра“ *). Мнѣ кажется, что невозможно видѣть въ этомъ только простое сравненіе, литературную метафору. Это выраженіе совершеннаго единства въ интуиціи.

Этотъ психологическій документъ далъ намъ возможность мало-по-малу прослѣдить сознаніе до его послѣдней степени сосредоточенія, до *абсолютнаго* моноидеизма; къ тому-же онъ позволяетъ намъ отвѣтить на вопросъ, часто возбуждавшійся, но рѣшенный только теоретически: можетъ-ли поддерживаться однообразное состояніе сознанія? Свидѣтельство нѣкоторыхъ мистиковъ позволяетъ повидимому отвѣтить на него утвердительно. Безъ сомнѣнія, истина, гласящая, что сознаніе живетъ, лишь благодаря измѣняемости, общеизвѣстна и банальна. По крайней мѣрѣ она признается уже со времени Гоббса: „Idem sentire semper et non sentire ad idem recidunt“; но бываютъ нарушенія этого закона у нѣкоторыхъ исключительныхъ личностей, въ очень рѣдкихъ случаяхъ и на очень непродолжительное время. Въ обыкновенномъ экстазѣ сознаніе достигаетъ максимума съуженія и интенсивности, но сохраняетъ еще форму дискурсивную (разсудочную): отъ очень напряженнаго вниманія оно отличается лишь въ степени. Только великіе мистики болѣе могучаго полета достигали абсолютнаго моноидеизма. Мистики всѣхъ странъ и всѣхъ временъ разсматривали совершенное единство сознанія henosis, какъ окончательное довершеніе экстаза, рѣдко достигаемое. Плотинъ добился этой милости всего четыре раза втеченіе всей жизни, о чемъ свидѣтельствуетъ Порфирій, который испыталъ ее только однажды: шестидесяти лѣтъ отъ роду **).

На этомъ высшемъ пунктѣ сознаніе не можетъ долго держаться, о чемъ они и заявляютъ. Но такая неустойчивость, которую они своеобразно объясняютъ тѣмъ, что недостойны подобнаго счастія, находя невозможнымъ для существа конечнаго сдѣлаться безконечнымъ, объясняется въ дѣйствительности причинами психологическими и физіологическими. Сознаніе поставлено внѣ

*) *Автобіографія*, стр. 526.
**) Porphire, *Vie de Plotin*, гл. XXII.

необходимыхъ условій существованія, и нервные элементы, служащіе опорой и агентами этой усиленной дѣятельности, не могутъ долго выдержать. Тогда человѣкъ возвращается на землю и становится опять „маленькимъ осленкомъ, гуляющимъ по пастбищу“.

III.

Ослабленіе вниманія достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ маніи, которая, какъ извѣстно, состоитъ въ общемъ и постоянномъ перевозбужденіи психической жизни. Диффузія (разсредоточенность) бываетъ не только внутренняя, она выражается безпрестанно во внѣ и расходуется ежеминутно. Замѣтно постоянное волненіе, постоянная потребность говорить, кричать, потребность въ рѣзкихъ поступкахъ. Состояніе сознанія немедленно проявляется во внѣ. „Маніаки, говоритъ Гризингеръ, могутъ иногда втеченіе очень продолжительнаго времени производить затрату мускульной силы, которой не выдержалъ-бы здоровый человѣкъ. Они проводятъ недѣли или цѣлые мѣсяцы почти безъ сна, обуреваемые сильной яростью, и единственнымъ объясненіемъ этой громадной затраты представляется слѣдующее: вслѣдствіе аномаліи чувствительности мускуловъ эти больные не знаютъ чувства утомленія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ ощущенія, образы, идеи, чувства смѣняются съ такой быстротой, что едва достигаютъ степени полнаго сознанія, и часто связывающая ихъ ассоціація совершенно исчезаетъ для зрителя. „Поистинѣ ужасна, говорилъ одинъ изъ нихъ, быстрота, съ какой смѣняются мысли въ умѣ“.

Итакъ, въ итогѣ, въ области мысли—безпорядочное мельканіе образовъ и идей, въ области движеній—приливъ словъ, криковъ, жестовъ, стремительныхъ движеній.

Нѣтъ надобности доказывать, что всѣ условія, противуположныя состоянію вниманія, соединены въ маніи. Здѣсь невозможны ни сосредоточеніе, ни приспособленіе, ни продолжительность. Это—торжество мозгового автоматизма, предоставленнаго самому себѣ и лишеннаго всякой узды. По этой причинѣ у маніаковъ

существуетъ иногда чрезвычайная экзальтація памяти; они способны говорить на память длинныя поэмы, давно забытыя.

Въ этомъ умственномъ хаосѣ ни одному состоянію не удается установиться надолго. „Но, если явится сильное воздѣйствіе на умъ маніака, если неожиданное явленіе остановитъ его вниманіе, онъ внезапно становится разумнымъ и разсудокъ его поддерживается до тѣхъ поръ, пока впечатлѣніе сохраняетъ силу, достаточную для того, чтобы остановить его вниманіе" *). Вотъ еще примѣръ, показывающій, отъ какихъ причинъ зависитъ непроизвольное вниманіе.

Мы назовемъ общимъ именемъ истощенія группу довольно многочисленныхъ состояній, гдѣ вниманіе не можетъ перейти за предѣлы очень слабой степени. Это не значитъ, что ему приходится, какъ напримѣръ въ маніи, бороться съ чрезвычайнымъ автоматизмомъ; слабость его является самостоятельно: примѣры мы находимъ у истеричныхъ, у нѣкоторыхъ меланхоликовъ, въ началѣ опьяненія, при наступленіи сна, въ состояніи крайняго утомленія физическаго или умственнаго. Дѣти, страдающія пляской св. Вита, также мало способны ко вниманію.

Эти болѣзненныя или полуболѣзненныя состоянія подтверждаютъ тезисъ, приведенный нами выше (при изученіи нормальнаго состоянія), что механизмъ вниманія обязательно двигательный. При истощеніи замѣчается невозможность или крайняя трудность фиксировать вниманіе: ни одно душевное состояніе не можетъ ни вызвать достаточное приспособленіе, ни продолжаться, ни взять перевѣсъ надъ другими. Это мозговое истощеніе, являющееся вслѣдствіе какой либо неправильности въ питаніи, выражается двоякимъ образомъ: во-первыхъ, состояніемъ сознанія, лишеннымъ интенсивности или продолжительности, и, во-вторыхъ, недостаточной дѣятельностью двигательныхъ нервовъ. Если движенія, сопровождающія вниманіе, какъ-то: движенія дыханія, кровообращенія, движенія головы, конечностей и т. д.—вялы, если всѣ эти двигательныя явленія—не соприсутствующія, а элементы, составныя части вниманія, дающіе умственному состоянію извѣстныя очертанія и, такъ сказать, облекающіе его въ плоть: если

*) Esquirol, *Maladies mentales*, т. II, стр. 47.

въ нормальномъ состояніи они влекутъ за собой, какъ слѣдствіе, усиленіе ощущенія, образа или идеи помощью отраженнаго дѣйствія,—то ясно, что качества эти въ данномъ случаѣ или отсутствуютъ, или слабѣютъ и могутъ быть произведены только опыты вниманія, слабые и непродолжительные, что̀ въ дѣйствительности и оказывается.

Возьмемъ случай опьяненія, самый простой и вульгарный изъ всѣхъ и представляющій то преимущество, что здѣсь разстройство движеній можетъ быть прослѣжено до конца. Въ силу извѣстнаго біологическаго закона, разложеніе слѣдуетъ въ порядкѣ, обратномъ эволюціи, причемъ его разрушительная работа переходитъ отъ сложнаго къ простому, отъ менѣе автоматичнаго къ болѣе автоматичному. Этотъ законъ провѣряется на опьяненіи. Сначала разстраиваются движенія наиболѣе деликатнаго порядка: движенія рѣчи, которая затрудняется, движенія пальцевъ, теряющія свою опредѣленность, затѣмъ полуавтоматичныя движенія, обусловливающія походку; тѣло пошатывается; еще далѣе пьяница не въ состояніи уже сидѣть и падаетъ на землю; наконецъ наступаетъ потеря рефлексовъ, и человѣкъ впадаетъ въ состояніе полнаго опьяненія, въ крайней формѣ котораго случается и потеря дыхательныхъ движеній.

Оставимъ безъ вниманія послѣднія фазы разстройства движеній, являющіяся чисто-физіологическими; вернемся къ началу и посмотримъ, что̀ происходитъ при этомъ въ сознаніи. Дѣлается-ли человѣкъ способнымъ ко вниманію, а главное къ размышленію послѣ того, какъ онъ выпьетъ? Разгоряченное состояніе, являющееся тогда у нѣкоторыхъ, составляетъ противуположность состоянію сосредоточенности. Задерживающая способность слабѣетъ, человѣкъ безъ всякой осторожности слѣдуетъ изреченію: „In vino veritas“ (въ винѣ правда). Затѣмъ мало-по-малу сознаніе омрачается, состоянія его принимаютъ неопредѣленную форму и носятся подобно призракамъ, лишеннымъ ясныхъ очертаній.

Итакъ, ослабленіе вниманія и движеній идутъ рука объ руку; это двѣ различныя стороны одного и того-же въ сущности явленія.

Здѣсь однако возникаетъ другой вопросъ; не желая разбирать его мимоходомъ, мы только укажемъ на него читателю. Если

состоянiе нервнаго истощенiя препятствуетъ вниманiю, то слѣдовательно мы стоимъ здѣсь у самаго источника послѣдняго. Здоровый человѣкъ способенъ ко вниманiю, къ усилiю, къ работѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ; разслабленность не способна ко вниманiю, къ усилiю, къ работѣ.

Но произведенная работа не возникаетъ изъ ничего, не падаетъ съ неба, она можетъ быть только преобразованiемъ раньше существовавшей энергiи: переходомъ запасной работы въ работу дѣйствительную. Эта запасная работа, хранящаяся въ нервномъ веществѣ, есть сама по себѣ слѣдствiе происходящихъ въ немъ химическихъ процессовъ. Вотъ въ чемъ заключается конечное условiе вниманiя. Пока я ограничусь только этимъ простымъ замѣчанiемъ *).

Сонъ, по общепринятой теорiи, составляетъ также слѣдствiе истощенiя, а быть можетъ, и извѣстнаго рода отравленiя. Немногiе авторы, изучавшiе вниманiе во время сна, исходятъ отъ гипотезы, ясно или неясно выраженной, что оно есть власть, способность, и задаются вопросомъ, прекращается-ли вниманiе втеченiе сна. Для насъ вопросъ этотъ ставится иначе: мы хотимъ просто знать, можетъ ли это *состоянiе* относительнаго моноидеизма образоваться самостоятельно во время сна.

Несомнѣнно, что часто какое-нибудь ощущенiе или образъ является преобладающимъ въ томъ рядѣ состоянiй сознанiя, который, развертываясь во время сновъ, протекаетъ быстро и безпорядочно. Тогда происходитъ моментъ задержки; у насъ является даже чувство приспособленiя, по крайней мѣрѣ частичнаго и временнаго; наконецъ, преобладающее состоянiе всегда сопровождается какимъ-нибудь аффектомъ или сильной эмоцiей (страхъ, злоба, любовь, любопытство и т. д.); такимъ образомъ мы находимъ всѣ главнѣйшiе признаки непроизвольнаго вниманiя.

Существуютъ-ли также и эквиваленты вниманiя произвольнаго, искусственнаго? Прежде всего слѣдуетъ вычеркнуть извѣстную категорiю фактовъ, которые можно-бы истолковать, какъ примѣры, подтверждающiе это. Таковы рѣшенiя задачъ, научныя открытiя, изобрѣтенiя въ области искусствъ или механики, остро-

*) См. заключенiе, § 2.

*

умныя комбинаціи, являвшіяся, какъ откровеніе, во снѣ. Тартини, Кондорсе, Вольтеръ, Франклинъ, Бурдахъ. Кольриджъ и многіе другіе приводили примѣры личнаго опыта, настолько общеизвѣстные, что мнѣ достаточно только напомнить о нихъ. Но все это не что иное, какъ результатъ мозгового автоматизма, т.-е. такого вида дѣятельности, который находится въ полномъ антагонизмѣ съ произвольнымъ вниманіемъ. Дѣлаютъ открытія, изобрѣтенія, рѣшаютъ задачи только сообразно съ привычками своего ума. Кольриджъ сочиняетъ поэму, но не рѣшаетъ алгебраическихъ задачъ; Тартини оканчиваетъ свою сонату, но не изобрѣтаетъ финансовой комбинаціи. Это продолжительная работа предварительнаго высиживанія, иногда сознательная, но чаще безсознательная (т. е. чисто мозговая), въ которой сразу наступаетъ моментъ вылупливанія. — Состояніе ума втеченіе сновъ крайне неблагопріятно образованію произвольнаго вниманія: съ одной стороны быстрота и несообразность ассоціацій; съ другой стороны исчезновеніе или крайнее ослабленіе всякой координаціи. Формы наивысшія, самыя тонкія и сложныя исчезаютъ прежде всего. Тѣмъ не менѣе способность управлять волей не всегда прекращается, такъ какъ мы пытаемся иной разъ остаться въ томъ состояніи, которое намъ нравится, или избавиться отъ состоянія непріятнаго. Поэтому-то и существуютъ случаи, представляющіе по крайней мѣрѣ намекъ на произвольное вниманіе, что̀ довольно естественно у тѣхъ, для которыхъ оно привычно. Иногда безсмысленность нѣкоторыхъ сновъ возмущаетъ насъ; мы стараемся сами для себя отыскать въ нихъ противорѣчія. Мы дѣлаемъ вычисленія, которыхъ неточность поражаетъ насъ, и усиливаемся отыскать причину ошибокъ *). Но это исключеніе. Если-бы сонъ не былъ прекращеніемъ усилія въ самой тяжелой его формѣ, то онъ не могъ-бы служить для возстановленія силъ.

Что касается естественнаго сомнамбулизма, а еще болѣе гипнотизма, то этотъ вопросъ далеко еще не разрѣшенъ. Брайдъ, первый извлекшій искусственно вызванный сомнамбулизмъ изъ области чудесъ, сводитъ всю психологію этого явленія къ сосредоточенію вниманія. Это мнѣніе съ нѣкоторыми измѣненіями раздѣ-

---

*) См. нѣсколько примѣровъ у Сюлли, *Illusions*, гл. VII.

ляли Карпентеръ, Гейденгеймъ, Шнейдеръ и главнымъ образомъ Бирдъ (Нью-Іоркъ). По мнѣнію послѣдняго, это—функціональное разстройство нервной системы, при которомъ дѣятельность сосредоточена въ ограниченной области мозга, тогда какъ остальная часть бездѣйствуетъ, что̀ и производитъ потерю способности хотѣть. Согласно излюбленному его уподобленію, корковое вещество мозга похоже на газовую люстру со множествомъ рожковъ. Когда всѣ они зажжены—это бдѣніе; когда всѣ привернуты, но не совсѣмъ погашены—это сонъ; когда же всѣ погашены, за исключеніемъ только одного, который свѣтитъ ночнымъ блескомъ, потребляя весь газъ,—это гипнозъ въ своихъ степеняхъ. Эта теорія „сосредоточеннаго вниманія“ неразъ подвергалась критикѣ*) и кажется трудно приложимой ко всѣмъ случаямъ. Можно-ли приписать ненормальному сосредоточенію вниманія гипнотизмъ, вызванный у куръ и у раковъ Кирхеромъ, Чермакомъ и Прейеромъ? Несомнѣнно, что гипнотизированный субъектъ хорошо подготовленъ къ моноидеизму; но можно-ли ассимилировать это состояніе, искусственно вызванное внушеніемъ, со вниманіемъ въ тѣсномъ смыслѣ? Не приближается-ли оно скорѣе къ idée fixe?

IV.

Идіотизмъ имѣетъ ступени, начиная отъ полнаго отсутствія умственныхъ способностей до простого слабоумія, смотря по тому, на какомъ пунктѣ произошла остановка развитія. Нѣкоторые дурачки отличаются даже особеннымъ талантомъ (къ механическимъ искусствамъ, рисованію, музыкѣ, счету), который тѣмъ болѣе поражаетъ, что окруженъ пустотой. Эти изолированныя способности приравнивались къ инстинкту животныхъ.

Самыя элементарныя условія вниманія отсутствуютъ или являются, какъ проблески молніи. Плохо развитые органы чувствъ передаютъ лишь слабыя впечатлѣнія. Высшіе центры неспособны къ ихъ обработкѣ и не могутъ связать ихъ. Слѣдуетъ отмѣтить

---

*) Съ критиками можно познакомиться у Stanley Hall, въ *Mind*, апрѣль 1885, и Gourney, ibid., октябрь 1884 г.

состояніе *двигательной* способности, этого необходимаго условія вниманія. Оно всегда представляетъ аномаліи: параличи, конвульсіи, судороги, эпилепсіи, или же ограниченный автоматизмъ, выражающійся въ безконечномъ повтореніи однихъ и тѣхъ движеній: постоянное раскачиваніе тѣла, сопровождаемое монотоннымъ пѣніемъ, стучаніе въ стѣны, безостановочное отпираніе и запираніе какой нибудь мебели и т. д.

Полное отсутствіе координирующей и контролирующей способности. „Дурачки и идіоты, говоритъ Эскироль, лишены способности быть внимательными и потому невоспріимчивы къ воспитанію; я часто производилъ надъ ними это наблюденіе. Желая снять гипсовые слѣпки съ большого количества сумасшедшихъ, я могъ сдѣлать это для маніаковъ, меланхоликовъ и даже буйныхъ; но я не могъ добиться отъ дурачковъ, чтобы они, несмотря на ихъ добрую волю, продержали глаза закрытыми втеченіе времени, необходимаго для отлитія гипса. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ плакали отъ огорченія, что слѣпокъ не удался, старались нѣсколько разъ, но безуспѣшно, сохранить позу, въ которую ихъ ставили, и не могли закрыть глаза болѣе, какъ на одну или двѣ минуты“ *). На самой низкой степени у нихъ нѣтъ даже непроизвольнаго вниманія животнаго для самосохраненія. Наименѣе строптивые все-же мало поддаются воспитанію. Сегенъ и другіе добивались нѣкоторыхъ результатовъ, благодаря терпѣливой дрессировкѣ. Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, имѣютъ-ли соціальное значеніе громадныя усилія, сдѣланныя въ этомъ направленіи втеченіе болѣе полустолѣтія, и нельзя-ли было съ большею пользою приложить эту сумму труда, мы замѣтимъ, что различныя системы воспитанія сводятся всѣ къ попыткѣ составить нѣсколько преобладающихъ и регулирующихъ состояній, т. е. извѣстнаго рода вниманіе. Начинаютъ съ дѣйствій, до крайности простыхъ. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ пріютахъ Соединенныхъ Штатовъ для пробужденія вниманія у идіотовъ ихъ учатъ вколачивать колышки въ отверстія, повторять напѣвъ и ассоціировать слова съ извѣстными фигурами **).

---

*) Esquirol. *Maladies mentales*, т. I, стр. 11.

**) Séguin, *Traité de l'éducation des idiots*, Paris, 1846; Ireland, *Mental idiocy*.

Въ итогѣ вниманіе есть извѣстное состояніе ума; я сказалъ бы: состояніе *формальное*, если-бы это слово не было заѣзжено. Графически можно-бы изобразить совокупность его нормальныхъ и болѣзненныхъ проявленій помощью прямой линіи, раздваивающейся на обоихъ концахъ. Поставимъ въ центрѣ среднее непроизвольное вниманіе. Слѣдя за нашей воображаемой линіей направо, въ направленіи возрастающей интенсивности, мы получимъ непроизвольное вниманіе въ сильной степени, затѣмъ озабоченность, затѣмъ слабую idée fixe. Линія раздваивается для того, чтобы представить двѣ крайнія ступени: ясно опредѣлившуюся idée fixe и экстазъ.

Возвратимся къ нашей точкѣ отправленія и направимся влѣво, въ сторону убывающей интенсивности. У насъ получится произвольное вниманіе въ формѣ организованной привычки, потомъ въ его средней формѣ, затѣмъ въ формѣ колебательной и наконецъ раздвоеніе, соотвѣтствующее двумъ крайностямъ: временному изнеможенію и невозможности вниманія. Между каждою изъ этихъ формъ и сосѣдними съ нею существуютъ оттѣнки, которые я опускаю; но такимъ образомъ намъ становится ясно общее происхожденіе всѣхъ этихъ состояній и единство ихъ состава.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I.

Мы пытались доказать, что необходимымъ и ближайшимъ условіемъ вниманія во всѣхъ его формахъ служитъ интересъ, т. е. естественныя или искусственныя аффективныя состоянія, и что механизмъ его двигательный. Оно не есть способность или спеціальная *сила*, но *умственное* состояніе, преобладающее вслѣдствіе сложныхъ причинъ, опредѣляющихъ кратковременное или продолжительное приспособленіе. Намъ не зачѣмъ возвращаться къ роли движеній, на которой мы останавливались достаточно долго; но слѣдуетъ нѣсколько заняться изученіемъ тѣхъ аффективныхъ состояній, которыя вызываютъ и поддерживаютъ вни-

маніе. До сихъ поръ мы ограничивались указаніемъ ихъ роли, ничего не говоря объ ихъ природѣ.

Я не думалъ представлять читателю въ бѣглой и эпизодической формѣ цѣлую психологію чувствъ. Я хотѣлъ только показать, что, въ силу одного факта постоянной зависимости отъ аффективныхъ состояній, вниманіе предполагаетъ in radice двигательные элементы. И такъ, нашъ основной тезисъ будетъ еще разъ подтвержденъ новымъ способомъ.

Прежде всего придется отрѣшиться отъ весьма распространеннаго предразсудка, что сущность аффективной жизни состоитъ въ удовольствіи или страданіи. Какъ то, такъ и другое только слѣдствія, результаты, указанія, знаки, свидѣтельствующіе о томъ, что извѣстныя вожделѣнія, наклонности, стремленія удовлетворены или встрѣчаютъ противодѣйствіе. Они представляютъ собой только поверхностную, конечную часть явленія, единственную часть, доступную сознанію. Это стрѣлки, а не механизмъ часовъ. Настоящихъ причинъ аффективной жизни слѣдуетъ искать гораздо ниже—въ тайникахъ организма. Первоначальный источникъ чувствъ, эмоцій, страстей кроется въ растительной жизни. Первичнымъ матеріаломъ чувствительности (matière première de la sensibilité) служитъ то, чтó исходитъ отъ сердца, сосудовъ, органовъ пищеварительныхъ, дыхательныхъ, половыхъ, словомъ, отъ всѣхъ внутренностей; точно такъ-же, какъ все, исходящее отъ внѣшнихъ чувствъ, служитъ первичнымъ матеріаломъ умственной дѣятельности. Подобно тому, какъ, въ смыслѣ физіологическомъ, животной жизни предшествуетъ растительная, на которой она зиждется, такъ, въ смыслѣ психологическомъ, жизнь аффективная предшествуетъ жизни умственной, для которой она служитъ опорою. Состоянія, указанныя выше подъ названіемъ потребностей, вожделѣній, наклонностей, расположеній, стремленій, желаній, суть прямыя и непосредственныя слѣдствія организаціи каждаго животнаго. Они составляютъ дѣйствительную сущность аффективной жизни. Мы скажемъ вмѣстѣ со Спинозой: „вожделѣніе есть сущность человѣка... Желаніе—это сознающее себя вожделѣніе... Изъ всего этого слѣдуетъ, что усиліе, хотѣніе, вожделѣніе, желаніе не руководствуются сужденіемъ о томъ, что извѣстная вещь хороша, но наоборотъ—данная вещь признается

хорошей *потому*, что на нее направлены усиліе, хотѣніе, вожделѣніе, желаніе". Вначалѣ удовольствія ищуть не ради его самого, страданія избѣгаютъ не какъ таковаго, потому что очевидно нельзя искать и избѣгать того, о чемъ не имѣешь понятія. Только животное, способное научаться опытомъ, т. е. способное запоминать и размышлять, можетъ искать или избѣгать, ради нихъ самихъ, уже испытанныя имъ пріятныя или непріятныя состоянія. И такъ, психологи, опредѣляющіе чувствительность, какъ „способность испытывать удовольствіе или страданіе" и считающіе эти два явленія необходимыми признаками, не спускаются до дѣйствительнаго источника аффективной жизни. Чтобы воспользоваться для опредѣленія не слѣдствіями, а причинами, нужно было-бы сказать: „Это — способность желать и *слѣдовательно* испытывать удовольствіе или страданіе" *). Даже болѣе, эти потребности, вожделѣнія, желанія (для краткости, мы будемъ называть ихъ впередъ общимъ именемъ—стремленія) суть сами по себѣ слѣдствія организаціи: они суть непосредственное выраженіе ея состояній, постоянныхъ или переходныхъ.

Было-бы не кстати нагромождать здѣсь рядъ фактовъ и аргументовъ въ пользу того, что удовольствіе и страданіе зависятъ отъ стремленій, въ свою очередь зависящихъ отъ организма. Для достиженія результатовъ, въ одно и то же время убѣдительныхъ и быстрыхъ, достаточно небольшой экскурсіи въ патологію аффективныхъ состояній. Мы увидимъ, что пріятное и непріятное измѣняется совершенно такъ-же, какъ и стремленія. Тамъ, гдѣ нормальный человѣкъ съ нормальными наклонностями найдетъ удовольствіе, человѣкъ ненормальный съ наклонностями ненормальными встрѣтитъ страданіе, и обратно. Удовольствіе и страданіе слѣдуютъ за стремленіемъ, подобно тому, какъ тѣнь сопровождаетъ тѣло.

Начнемъ со стремленій, связанныхъ съ основной функціей — питаніемъ. Всякій слышалъ о „прихотяхъ" беременности. Вслѣдствіе весьма недостаточнаго питанія втеченіе первыхъ мѣсяцевъ беременности, у родильницъ происходятъ разстройства пищева-

---

*) Я въ данномъ случаѣ употребляю ихъ терминологію, хотя и не принимаю ея на свою отвѣтственность.

ренія, кровобращенія, выдѣленій, которыя выражаются въ странностяхъ аппетита, извращенности вкусовъ. Имъ доставляетъ удовольствіе ѣсть землю, солому, табакъ, сажу.—Тѣ-же стремленія встрѣчаются у нѣкоторыхъ истеричныхъ, малокровныхъ и невропатовъ. Въ началѣ сумасшествія замѣчается иногда эксцентричный и безпорядочный способъ питанія. Называютъ субъектовъ, которые охотно ѣдятъ пауковъ, жабъ, червей.—Еще ниже мы находимъ „копрофагію“ и „скатофагію“ (пожираніе кала). За однимъ больнымъ приходилось слѣдить, чтобы онъ не съѣдалъ содержимаго плевальницъ въ госпитальной палатѣ *).

Такія-же извращенія встрѣчаются и въ обоняніи. Нѣкоторые невропаты находятъ запахъ розъ непріятнымъ и съ наслажденіемъ вдыхаютъ валеріану или ассафетиду.

Нужно-ли долго останавливаться на уклоненіяхъ и извращеніяхъ полового инстинкта? Примѣровъ множество. Даже если мы значительную долю ихъ удѣлимъ подражанію и разврату,—тому, что должно считаться скорѣе происхожденія головного, нежели чувственнаго, то и тогда намъ представится обильная жатва. Всякій разъ мы неизбѣжно приходимъ къ одному и тому-же выводу: измѣните организацію, и вы измѣните стремленія, а также распредѣленіе удовольствія и страданія; поэтому послѣднія суть лишь явленія симптоматическія, знаки, свидѣтельствующіе объ удовлетвореніи или неудовлетвореніи потребностей.

Если мнѣ скажутъ, что перечисленныя наклонности носятъ характеръ слишкомъ физіологическій, то я могу воспроизвести группу неодолимыхъ импульсовъ: непобѣдимое влеченіе къ пьянству, кражѣ, поджигательству, убійству, самоубійству. Для сознанія эти импульсы не имѣютъ причинъ, разумныхъ мотивовъ, потому что ихъ дѣйствительная причина, условія ихъ генезиса находятся внѣ сознанія, и до послѣдняго доходятъ только результаты безсознательной работы. Эти неодолимыя влеченія происходятъ въ формахъ весьма несходныхъ. Самыя ничтожныя между ними такъ-же поучительны для психологіи, какъ и наиболѣе звѣрскія. Такъ напримѣръ, „ономатоманія“ представляетъ странность, для общества весьма безобидную: отысканіе имени неизвѣст-

---

*) Campbell, *Journal of mental Science*, іюль 1886.

наго лица, иногда случайно прочитаннаго въ газетѣ, осаждаетъ больного, причиняетъ ему безсонницу и тоску. Сколько именъ забываетъ каждый изъ насъ, не заботясь объ этомъ! Но здѣсь составилась ненормальная, нелѣпая потребность. Пока цѣль не достигнута, она вызываетъ страданіе; но разъ результатъ благопріятенъ, является удовольствіе. Замѣтимъ также, что какъ только извѣстный неодолимый импульсъ, каковъ-бы онъ ни былъ (къ кражѣ, къ убійству), реализировался,—наступаетъ моментъ отдыха и удовлетворенія.

Эти болѣзненныя проявленія усиленно изучались въ наше время; ихъ разсматриваютъ, какъ симптомы одной постоянной причины: вырожденія. Такимъ образомъ мы всегда встрѣчаемъ то-же сцѣпленіе: аномалія въ организаціи — аномалія въ выражающихъ ее стремленіяхъ, аномалія въ источникѣ удовольствія и страданія.

Разъ мы допустили, что необходимое условіе аффективной жизни заключается въ стремленіяхъ сознательныхъ или безсознательныхъ (сознаніе играетъ здѣсь лишь подчиненную роль)— какимъ образомъ слѣдуетъ представлять себѣ эти стремленія? Мы можемъ составить себѣ положительную идею объ нихъ исключительно только въ томъ случаѣ, если будемъ разсматривать ихъ, какъ движенія (или задержку движеній), дѣйствительныя или остающіяся въ зародышномъ состояніи. Такимъ образомъ они входятъ въ область двигательныхъ явленій; другими словами, всякая потребность, предрасположеніе, желаніе всегда предполагаетъ *двигательную иннервацію*, въ какой бы то ни было степени.

Хищное животное, схватившее добычу и разрывающее ее зубами или когтями, достигло своей цѣли и удовлетворило своимъ стремленіямъ помощью значительной затраты движеній. Если мы предположимъ, что животное это еще не успѣло схватить своей жертвы, но видитъ ее и подстерегаетъ, то весь его организмъ будетъ находиться въ состояніи крайняго напряженія, готовый дѣйствовать; движенія не реализованы, но самый незначительный импульсъ заставитъ ихъ перейти въ дѣйствіе. При степени болѣе слабой, животное рыщетъ, ища глазами и чутьемъ, не достанется-ли ему случайно попавшая въ западню жертва; это состояніе полунапряженія; двигательная иннервація гораздо слабѣе и приспособлена съ меньшей

опредѣленностью. Наконецъ, при степени еще слабѣйшей, животное покоится въ логовищѣ; въ мысляхъ его проходитъ неопредѣленный образъ добычи, т. е. воспоминаніе о тѣхъ добычахъ, которыя доставались ему раньше; двигательный элементъ обладаетъ весьма слабой интенсивностью, находится въ зачаточномъ состояніи и не выражается никакимъ видимымъ движеніемъ. Ясно, что всѣ эти четыре степени напряженія связаны извѣстной послѣдовательностью, что вездѣ дѣйствуетъ двигательный элементъ, и разница заключается лишь въ бóльшемъ или меньшемъ его участіи.

Мы намѣренно выбрали такой грубый примѣръ ради бóльшей ясности. Точно такъ-же мы могли-бы остановить свой выборъ на любви, на отвращеніи или страхѣ, и, начавши съ наиболѣе бурныхъ формъ, дойти чрезъ рядъ послѣдовательно спускающихся ступеней, дѣйствительно встрѣчающихся на опытѣ, до состоянія чисто внутренняго, которое представляетъ весьма слабую двигательную иннервацію, движеніе въ зачаточномъ состояніи. Стремленіе связано такимъ образомъ съ явленіемъ физіологическимъ, которое даетъ ему плоть. Это не состояніе души, носящее характеръ таинственный и трансцендентный. Наклонности, предрасположенія, желанія, всѣ эти слова, вмѣстѣ съ ихъ синонимами, означаютъ движеніе, зарождающееся или неудавшееся, смотря по тому, способно-ли оно выдержать эволюцію до крайнаго ея предѣла, или-же должно подвергнуться задержкѣ въ своемъ развитіи. Не важно, появляется-ли, или исчезаетъ соприсутствующее состояніе сознанія: стремленіе можетъ быть сознательнымъ и безсознательнымъ; но двигательная иннервація продолжается независимо отъ этого въ качествѣ основного элемента.

И такъ, вотъ къ какому заключенію мы приходимъ: вниманіе зависитъ отъ аффективныхъ состояній, аффективныя состоянія сводятся къ стремленіямъ, а послѣднія въ основѣ своей суть движенія (или задержки движеній), сознательныя или безсознательныя. Слѣдовательно вниманіе, какъ непроизвольное, такъ и произвольное, связано съ момента своего возникновенія съ извѣстными двигательными условіями.

II.

Теперь намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно самаго общаго физическаго условія вниманія.

Наблюдая людей, какъ они представляются въ массѣ, а не только умы дисциплинированные и образованные, какъ это почти всегда дѣлаютъ психологи, мы легко убѣдимся, что вниманіе непроизвольное, а тѣмъ болѣе произвольное, суть состоянія исключительныя. Прежде всего оставимъ въ сторонѣ житейскую рутину, эту громадную массу привычекъ, которыя двигаютъ нами, какъ автоматами, при неопредѣленныхъ и перемежающихся состояніяхъ сознанія. Исключимъ также тѣ періоды нашей духовной жизни, гдѣ мы, по преимуществу, бываемъ пассивны, такъ какъ порядокъ и послѣдовательность нашихъ состояній сознанія даются намъ извнѣ, и рядъ ихъ предписывается намъ, какъ чтеніе посредственнаго интереса, механическое или другое какое либо занятіе, предполагающее послѣдовательность дѣйствій въ установленномъ порядкѣ. Исключимъ и то состояніе относительнаго покоя ума, когда мы „ни о чемъ не думаемъ", т. е. когда состоянія сознанія не имѣютъ ни интенсивности, ни ясно выраженной опредѣленности, короче—умственную лѣнь и мечтательность во всѣхъ ихъ степеняхъ. Исключимъ состояніе страсти и сильнаго волненія съ ихъ безпорядочнымъ приливомъ и разсѣяніемъ движеній. Если мы сдѣлаемъ эти исключенія и вѣроятно еще нѣкоторыя другія, то все остальное можно будетъ записать на общій счетъ вниманія. Въ этомъ общемъ счету случаи непроизвольнаго вниманія составляютъ большинство; рѣзкіе-же и ясно выраженные случаи произвольнаго вниманія—меньшинство; у многихъ они сводятся почти на нѣтъ. Мы пытались выяснить психологическія основанія такого различія и отмѣтили тотъ обыденный фактъ, что въ состояніи усталости или истощенія вниманіе дается весьма трудно, часто даже невозможно и всегда непродолжительно. Это зависитъ отъ того, что оно болѣе, чѣмъ какое-бы то ни было умственное состояніе, требуетъ значительной затраты физической силы, которая должна производиться въ исключительныхъ условіяхъ.

Напомнимъ еще разъ, что вниманіе существуетъ только въ силу съуженія поля сознанія или, другими словами, что физически оно предполагаетъ участіе въ работѣ ограниченной части мозга. Рѣшительно безразлично, представляемъ-ли мы себѣ эту часть въ видѣ локализированной области, или, что̀ вѣроятнѣе, какъ нѣчто составленное изъ различныхъ элементовъ, разбросанныхъ въ массѣ головного мозга и совмѣстно работающихъ для исключенія всѣхъ прочихъ. Нормальное состояніе сознанія предполагаетъ диффузію (разсѣяніе), связанную съ разбросанной мозговой работой. Вниманіе предполагаетъ сосредоточеніе, связанное съ локализированной мозговой работой. Когда мозгъ переходитъ отъ нормальнаго состоянія къ состоянію усиленнаго вниманія, то это явленіе аналогично съ тѣмъ, что̀ испытываетъ человѣкъ, если онъ вмѣсто того, чтобы нести тяжесть на плечахъ, долженъ поддерживать ее однимъ пальцемъ. Работа, выпадающая всецѣло на долю извѣстной части органа, можетъ произойти только отъ быстраго преобразованія потенціальной или запасной энергіи въ дѣйствительную. Всякая физіологическая работа имѣетъ начало въ химическихъ процессахъ организма, которые въ свою очередь зависятъ отъ питанія и окисленія. Это производство работы, являющейся слѣдствіемъ питанія, далеко не постоянно. У разслабленныхъ долженъ неизбѣжно оказываться недостатокъ запасной работы и скоро наступать періодъ истощенія. Даже у наиболѣе одаренныхъ накопленный капиталъ расходуется быстро, если вниманіе отличается силой и продолжительностью. Можно думать поэтому, что конечное физическое условіе, требуемое вниманіемъ, состоитъ въ томъ, что̀ названо физіологами *динамогеніей*, т. е., согласно опредѣленію Броунъ-Секара, въ „способности извѣстныхъ частей нервной системы внезапно проявлять усиленную дѣятельность вслѣдствіе чисто динамическаго вліянія". Этотъ авторъ привелъ *) наблюденіе надъ молодой дѣвушкой, которая каждое воскресенье при звукѣ колокола впадала въ экстазъ и втеченіе двѣнадцати часовъ стояла на скользкомъ краѣ своей

*) *Dictionnaire encycloped. des sciences médicales*, статья: «Dinamogénie» и *Gasette hebdomadaire*, 20 janvier 1882.

кровати, держась только помощью большихъ пальцевъ и очень незначительной части подошвы; при этомъ три сильные электро-магнитные толчка не могли вывести ее изъ состоянія неподвижности. Остальную часть недѣли она проводила въ постели въ состояніи изнеможенія, почти неспособная къ какому либо движенію. Чтобы выдержать такое положеніе втеченіе полусутокъ, необходимо было развить въ двигательномъ аппаратѣ громадную силу дѣятельности. Не правдоподобно-ли, что случаи необычайнаго и продолжительнаго вниманія предполагаютъ въ извѣстныхъ частяхъ нервной системы аналогичную передержку дѣятельности, за которой точно такъ-же слѣдуетъ періодъ усталости и безсилія? Динамогенія представляетъ впрочемъ физіологическое состояніе, причины котораго столь мало изслѣдованы, что было бы безполезно останавливаться на ней и дѣлать изъ нея психологическіе выводы. Слѣдуетъ замѣтить, что все предыдущее относится лишь къ физическимъ условіямъ вниманія. Термины: работа, преобразованіе энергіи, имѣютъ смыслъ и значеніе только въ порядкѣ явленій физическихъ: состояніе сознанія, явленіе внутреннее (какое-бы понятіе мы о немъ ни составили себѣ), несоизмѣримо съ ними. Психическая сила, о которой говорятъ нѣкоторые авторы, есть лишь метафора, если только здѣсь не подразумѣваются физическія условія извѣстнаго состоянія сознанія, и только они одни. Утверждать слѣдовательно, что сильное вниманіе зависитъ отъ возможности преобразованія потенціальной энергіи въ энергію дѣйствительную,—значитъ только указать на одно изъ его основныхъ матеріальныхъ условій и ничего болѣе.

Можно-бы въ концѣ этого трактата о вниманіи выставить рядъ вытекающихъ изъ него практическихъ слѣдствій, но я отказываюсь отъ этого. Единственной цѣлью моей книги было разобрать его механизмъ. Мнѣ казалось, что вопросъ этотъ нигдѣ не разсматривался такъ, какъ того требуетъ его важность; я пытался разобрать его согласно эволюціонной теоріи и показалъ, что произвольное вниманіе есть лишь высшая крайняя форма, происходящая отъ низшихъ формъ путемъ процессовъ полу-безсознательныхъ, полу-сознательныхъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Популярно-научныя книги.

При свѣтѣ звѣздъ. Популярно-научные очерки. *Фламмаріона.* Ц. 1 рубль.
Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Переводъ съ англійск. *Л. К. Давыдовой.* Ц. 80 к.
Соціологія. *Ш. Летурно.* Переводъ подъ редакц. А. Трачовскаго. Ц. 1 р. 50 к.
Очерки психологіи. *В. Вундта.* Переводъ *Г. А. Паперна.* Ц. 75 к.
Женщина передъ судомъ науки. *Ж. Лурбе.* Переводъ съ французск. Ц. 30 к.
Экономическая система Карла Маркса. Популярный очеркъ проф. Вѣнскаго университета *Гросса.* Ц. 20 к.
Кометы и падучія звѣзды. *Е. Предтеченскаго.* Съ 29 рис. Ц. 40 к.
Живописная астрономія. *К. Фламмаріона.* Общее описаніе вселенной. Переводъ. *Е. А. Предтеченскаго.* 696 стр. Съ 382 рис. въ текстѣ, картами и хромолитографіями. Ц. 3 р.
Антропологія. *Л. Кржевицкаго.* Переводъ съ польскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 1 р. 50 к.
Психологія характера *Ф. Полана.* Переводъ подъ редакціею *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 75. к.
Физіологія страстей. *Летурно.* Переводъ *В. Святловскаго.* Ц. 1. р.
Душевныя движенія. *Д-ра Ланге.* Ц. 40 к.
Основы политической экономіи. *Ш. Жида.* Ц. 1 р. 25 к.
Психологія народовъ и массъ. *Г. Лебона.* Ц. 1 р.
Духовный прогрессъ и счастье. *П. Лоскутова.* Ц. 1 р.
Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія. В. К. Агафонова. Съ 237 рис. Ц. 2 р.
Воспитаніе воли. *Ж. Пэйо.* Ц. 75 к.
Земля и ея обитатели. (Пособіе для самообразованія). *М. М. Соколовой.* Со многими рис. Ц. 1 руб.
Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента.* Съ рис. Переводъ *Д. А. Голова.* Ц. 1 руб.
Современная женщина въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Брандта.* Ц. 60 к.
Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли.* Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Цѣна 1 р. 50 к.
Философія Герберта Спенсера, въ сокращ изложеніи *Коллинса* Ц. 2 р.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Гигіена въ прим. къ обыден. жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Гигіена женщины *Д-ра М. Тило.* Ц. 40 к.
Гигіена семьи. *Гебера.* Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. *Д-ра Перье.* Ц. 50 к.
Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц 75 к.
Уходъ за больными дѣтьми. *Д-ра Перье.* Ц. 50 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. *Д-ра Энцлера.* Ц. 50 к.
Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Bapio.* Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Со мног. рис. Ц. 1 р.
Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Усталость. Бесѣды проф. *А. Моссо.* Перев. *Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы.* Съ нѣмецк. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ франц. Популяр. излож. ученія Дарвина. 2-е изд. Ц. 60 к.
Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге.* Ц. 1 р. 25 к.
Фабричная гигіена. *Святловскаго.* 153 рис. Ц. 4 р.
Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ. 2 р.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Свѣтъ Божій. Популярн. очерки міровѣдѣнія. 7-е изд., значительно исправл., Съ 65 рис. 30 к.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды. *Предтеченскаго.* Со мн. рис. Ц. 30 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумул. *Сэломенса.* Съ 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.*
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Популярн. руководство для провѣрки часовъ и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис Ц. 30 к.
Эйфелева башня. *Г. Тиссандье.* 34 рис. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде* Перевелъ *Головъ.* Со мног. рисунками. Ц. 2 р.
Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье* Перевелъ *Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множ. рис. 2-е. изд Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніи). *Каппа.* Съ 50 рис Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Воттона.* Со свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія. Сочиненіе *Майера* и *Присса.* Перев. *Д. Головъ.* Съ 293 рисунками Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *Секки.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.